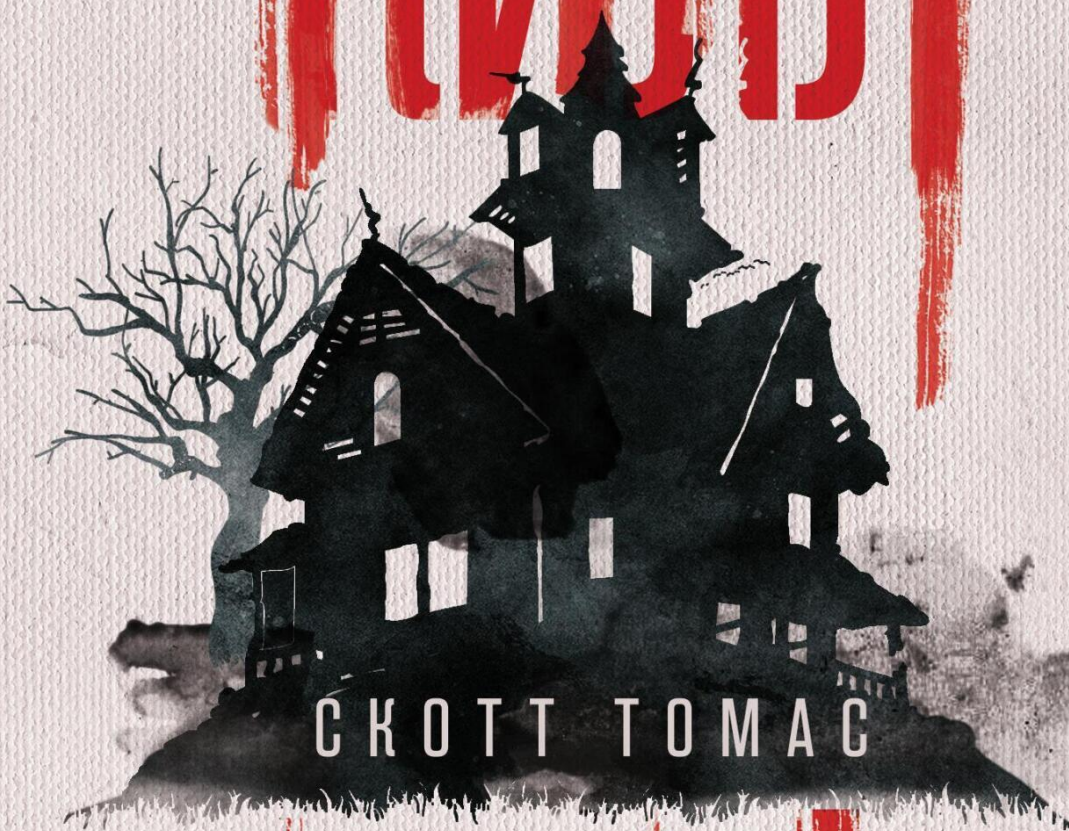

NEW
HORROR

КИЛЛ

СКОТТ ТОМАС

КРИК

18+

New Horror

СКОТТ Томас

Килл крик

«РИПОЛ Классик»

2017

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)6-44

Томас С.

Килл крик / С. Томас — «РИПОЛ Классик», 2017 — (New Horror)

ISBN 978-5-386-15021-1

На Кровавом ручье стоит дом. Пустой. Тихий. Заброшенный. Но скоро его двери распахнутся вновь... Однако не спешите радоваться, ведь что-то таится в тени, с нетерпением ожидая встречи с гостями... Древняя легенда оживет, когда порог проклятого дома переступят четверо писателей ужасов. То, что должно было стать обыкновенным шоу, обернется настоящим кошмаром. Сущность, которую они пробудят, будет преследовать и мучить их, желая сделать писателей частью своего кровавого наследия...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)6-44

ISBN 978-5-386-15021-1

© Томас С., 2017
© РИПОЛ Классик, 2017

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	39
Глава 8	47
Глава 9	54
Часть 2	62
Глава 10	62
Глава 11	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Скотт Томас

Килл крик

Scott Thomas
Kill Creek

© Мельникова М. М., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик»

*Посвящается
Ким, Обри и Клео,
Моим родителям
И старику Паркеру, потому что чем неправдоподобней история,
тем длиннее тень от нее*

*Слава худая мгновенно приходит, поднять ее
людям
Очень легко, но нести тяжелько и сбросить
непросто.
И никогда не исчезнет бесследно молва, что в
народе
Ходит о ком-нибудь: как там никак, и Молва ведь
богиня¹.*

Гесиод

*Теперь же лишь молчаливые, сонные, пугливо глазающие окнами
домики, сокрытые в темной глуши лесов, могли бы поведать случайному
путнику, что именно было сокрыто в них с незапамятных дней далекого
прошлого... Иногда даже начинает казаться, что было бы гораздо
лучше и милосерднее вообще снести эти домики, ведь им так часто
снятся тяжелые сны².*

Г. Ф. Лавкрафт

¹ Пер. с древнегреч. В. Вересаева.

² Пер. с англ. Э. Серовой.

Пролог

Не бывает домов, дурных по природе своей. Чаще всего постройку замышляют с добрыми намерениями, даже с любовью. Вначале дом на Кровавом ручье такой постройкой и был.

Сделан он был из самых обычных материалов – дерева и гвоздей, камней и раствора. Земля, на которой он стоял, никем не была проклята. Он не служил пристанищем ни ведьме, ни колдуну. Его возвел в 1859 году в Канзасе один любитель уединения – своими руками, лишь изредка прибегая к помощи друзей из ближайшего поселения, Лоуренса. Несколько славных лет в комнатах огромного особняка обитала пылкая любовь, пусть и хранимая в тайне – в двух перешептывавшихся сердцах.

Но, как это происходит почти с каждым домом, о котором ходят слухи, будто бы там обитают призраки, в особняк на Кровавом ручье пришла беда. Человек, построивший его, был убит в нескольких шагах от своей любимой. Его руки тянулись к ней, пытаясь преодолеть – о, злая шутка! – такое короткое расстояние, коснуться ее темной кожи, погладить ее волосы; его разум твердил, что, если только он сумеет заключить ее в объятия, они оба спасутся, что стоит только захотеть изо всех сил – и они смогут быть вместе.

Они не спаслись. Тело его возлюбленной разлучили с его телом и повесили на единственном дереве, что росло во дворе перед домом, – на кривом буке. Она была уже мертва, но все же ее вздернули, чтобы унизить напоследок. Тела остыли, насколько это было возможно жаркой августовской ночью, и царящая вокруг тишина накрыла их, словно саваном. Никто не трогал тела несколько недель, о них забыли: жители Лоуренса были поглощены своей собственной бедой. Когда солнце скрылось, горизонт на юго-западе замерцал оранжевыми отблесками пламени. Лоуренс горел.

Дом, обагранный кровью, не может избежать жестокого приговора молвы. Городские жители, которым случалось ехать по тихой проселочной дороге в Канзас-Сити, начали говорить об особняке так, словно он был живым существом. Они рассказывали, какую жалость будил в них бедный печальный дом, осиротевший, в точности как сотни детишек, чьи родители погибли в жестоких приграничных боях перед Гражданской войной. Никто не мог знать, что творилось в пустом здании долгими темными зимними ночами, когда ветер вырывался из лесной чащи и заставлял дребезжать оконные рамы. Просто было там нечто, вынуждавшее путешественников ускорять шаг на дороге близ Кровавого ручья.

Такой большой и роскошно выстроенный дом не мог стоять пустым вечно. Находились люди, которые пытались там обосноваться. Но никто не чувствовал себя в доме уютно, и почти все жильцы съезжали в течение года. Они не могли толком объяснить, что заставляло их покинуть особняк. Его стены словно отказывались принимать людское тепло. Даже в разгар лета стоило перешагнуть порог – и воздух резко становился холоднее.

Дом стали считать дурным местом. Его начали бояться.

В конце 1920-х годов построили Канзасское шоссе номер 10, и оно связало Канзас-Сити с Лоуренсом. К началу 1970-х скромная мощеная дорога превратилась в четырехполосную магистраль. Когда несешься на скорости пятьдесят пять миль в час, поворот к дому легко не заметить, как и знак, оповещающий о самом ручье. Жизнь мчалась вперед, на смену простым временам пришли времена суматошные, и дом на Кровавом ручье превратился в обычный сельский дом, брошенный, как и множество его собратьев, на милость прерии. Даже ручей, когда-то так жадно питавшийся водой реки Канзас, начал пересыхать, и под лучами палящего солнца его русло покрылось трещинами, точно старческая плоть.

Люди, жившие по соседству, до сих пор рассказывали истории о диковинных вещах, которые им случалось наблюдать: об огнях, загоравшихся в окнах, о стуке в дверь, о шепоте в темноте, – но дом и его кровавое прошлое уже стали не более чем сказкой из тех, какими родители

потчуют детей на ночь. Большинство этим историям не верили – их рассказывали лишь для того, чтобы уберечь ребятню, предупредить об опасностях, грозящих тем, кому вздумается забраться в обветшавшее здание. Дому, вероятно, было одиноко. Страсть, давшая ему жизнь, пропала, растворилась в земле подобно утреннему туману.

В 1975 году сестры Финч, Рейчел и Ребекка, выкупили дом у округа, владевшего им с 1961-го, когда съехал последний жилец. Темное прошлое дома сестер Финч не беспокоило. Этим шестидесятивосьмилетним однояйцевым близнецам довелось видеть и испытать кое-что гораздо страшнее ночного стука, особенно прикованной к инвалидной коляске Ребекке, жертве трагического несчастного случая, о котором ни она, ни ее сестра не распространялись.

Когда сестры наняли местных работников, чтобы те помогли обновить некогда великолепно дом, многие радовались их приезду, полагая, что особняк наконец-то обеспечат уходом и заботой, как хотел первый его владелец. Газеты *Lawrence Journal-World* и *Kansas City Star* посвятили приезду сестер статьи. «Особняк на Кровавом ручье наконец-то обрел любящих хозяев», – гласила одна. «Близнецы дают новую жизнь „Проклятому дому“», – объявляла другая.

Сестры Финч не оправдали ожиданий. Они были, как прозвали их местные, «чудачками». Они практически не разговаривали с плотниками, что чинили дом, а въехав, почти не выходили наружу. Если кого-то из сестер и можно было с натяжкой назвать дружелюбной, то Рейчел. Свои длинные темные волосы она распускала и всегда платила рабочим вовремя и без обмана. Ребекка стягивала волосы в немилосердно тугой пучок и на люди старалась не показываться, коротая дни за закрытой дверью единственной спальни третьего этажа. Лифт был одним из первых нововведений в доме, он позволял прикованной к коляске Ребекке свободно передвигаться по просторному зданию. Однако долгих прогулок она не совершала и предпочитала оставаться в спальне – внешний мир она видела лишь из ее узкого окна.

Однажды сантехник, проверявший трубы, спросил Рейчел, почему ее сестра так редко спускается вниз. «Ей наверху, наверное, ужасно одиноко», – сказал он. Рейчел мгновенно повернулась к нему, изобразила на лице самое достоверное подобие улыбки, на какое была способна, и ответила: «Ей есть с кем общаться».

Два года спустя Ребекка Финч умерла. По словам coronера, ее сердце просто перестало справляться с нагрузкой. Рейчел продолжала жить в доме на Кровавом ручье, не пуская внутрь никого, даже тех, кто приходил выразить соболезнования по поводу кончины ее сестры. Почти пять лет никто, кроме Рейчел Финч, не ходил по комнатам особняка. Никто, ни одна живая душа.

Потому все были изрядно удивлены, когда в 1982 году Рейчел согласилась побеседовать со всемирно известным парапсихологом и писателем, доктором Малкольмом Адьюделом. Несмотря на то что в научных кругах его по большей части считали шарлатаном, отчаянно жаждущая чудес публика запоем читала книги Адьюдела, написанные по мотивам его приключений в мире паранормального.

Лишь Рейчел Финч и доктор Малкольм Адьюдел были свидетелями событий, произошедших в те выходные, когда он гостил в доме. Результат этого визита – книга «Фантомы прерии: подлинная история сверхъестественного кошмара» – сделал дом на Кровавом ручье знаменитым на всю страну. Критики и скептики объявили «фантомы» чистой выдумкой, но благодаря доверчивым читателям книга держалась в списке бестселлеров невероятные тридцать шесть недель. Конкретики в повествовании доктора Адьюдела было мало, зато атмосферы – с избытком, но людям, выискивающим доказательства существования призраков, этого было более чем достаточно. Дому на Кровавом ручье было официально присвоено почетное звание портала в иной мир. Этот дом являлся людям в кошмарах. И что гораздо важнее, люди снова говорили о нем.

Рейчел Финч умерла в 1998-м на девяносто втором году жизни. Тело ее, как и тело человека, когда-то построившего особняк, обнаружили лишь спустя несколько недель. Подросткам из пригорода Канзас-Сити вздумалось на спор перейти ветхий мост через сухой пыльный овраг, некогда бывший Кровавым ручьем. Не доходя ста футов до переднего крыльца, они застыли как вкопанные. Прямо перед ними на буке – на той самой ветке, что когда-то приняла на себя вес обмякшего мертвого тела запретной любви первого хозяина, – медленно покачивалась Рейчел Финч. Неумело завязанный узел врезался в растянувшуюся гниющую плоть под подбородком. Ветер чуть теребил рассыпавшиеся по плечам тонкие черные волосы. Подростки пытались осмыслить это зрелище; тут веревка скрипнула, и тело Рейчел развернулось к ним лицом. В одной из пустых дыр, ранее бывших вместилищами ее серых глаз, весело копошился жучок.

Многие тшились понять, что заставило старуху повеситься. Некоторые считали, что причиной было безумное одиночество – Рейчел не смогла смириться с потерей сестры. Другие полагали, что виноват дом – это он заставил Рейчел покончить с собой, – хотя не могли толком объяснить почему. И наконец, были люди из тех, кому ужасные, трагические истории доставляют омерзительное наслаждение. Эти люди неторопливым, уверенным шепотом сообщали, что Рейчел вовсе не убивала себя. Ее выволокли из дома и повесили на той ветке против ее воли. Кто-то или что-то сотворило это с ней. Чтобы люди помнили: дом не следует тревожить.

После смерти Рейчел имущество сестер Финч, как было оговорено в ее завещании, осталось в доме, включая, судя по всему, и содержимое спальни на третьем этаже. Никто не знал, что скрывала та комната. Вход в нее был наглухо замурован, лестница теперь упиралась в кирпичную стену, словно в доме никогда и не имелось третьего этажа.

Снова поползли слухи: что-то очень, очень нехорошее творится в доме на Кровавом ручье. Смерть Рейчел Финч стала еще одной главой его мрачной хроники. Наконец дом со всем его содержимым перешел в собственность округа Дуглас. И хотя его снова выставили на продажу, никто не отваживался поселиться в особняке с дурной славой. Он по-прежнему привлекал изрядное число любопытствующих, они были неиссякаемым источником хлопот для полицейских, патрулировавших участок. Чтобы прекратить поток непрошенных посетителей, в 2008-м территорию особняка обнесли забором из сетки-рабицы. Местные предприниматели, не пожалевшие для благого дела своего времени и оборудования, просто сказали, что будут спать спокойнее, зная, что помогли отвести людей от этого дома. Для верности они даже пустили по верху забора колючую проволоку.

Так дом снова затих, двор его зарос цепким плющом и высокой, по колена, травой.

Дом на Кровавом ручье стоит по сей день. Пустой. Тихий. Но незабываемый. Не до конца забытый. Слухи дают ему жизнь, легендами он дышит.

Часть 1

Приглашение

Октябрь прошлого года

*Я сделал еще один шаг в бездну.
– Что там, внизу? – спросил я ее.
Я чувствовал ее присутствие на лестнице.
– Не волнуйтесь, – ответила Рейчел. – То, что находится внизу,
боится вас больше, чем вы его.
Я услышал, как она сдавленно хохотнула – смех застрял в горле,
так и не достигнув губ.
Как обычно, я должен был увидеть все сам.
Д-р Малкольм Адьюдел, «Фантомы прерии»*

Глава 1

Пятница, 7 октября

Воздух полыхал.

В каменной стене наверху было прорезано громадное вытянутое готическое окно, за скошенными стеклами сияло вечернее солнце. В проникающих сквозь окно лучах танцевали пылинки.

А там, куда свет не доходил, в тени, не утихало движение.

Лица.

Внимательные. Тихие. Жадные.

Все глаза были направлены на мужчину лет сорока, с коротко, почти под ноль, подстриженными темно-каштановыми волосами. Симпатичный, высокий, одет в поношенные черные джинсы и рубашку хенли, под которой проступала стройная, умеренно мускулистая фигура. Закатанные рукава рубашки позволяли разглядеть скопище татуировок на левом предплечье. Кожа под чернилами была странная, словно изъеденная чем-то: по сути, всю левую руку и тыльную часть ладони покрывала рубцовая ткань. Темные линии змеились по руке на первый взгляд без всякого смысла, но в их абстрактном переплетении проступали силуэты.

Деревья. Полевой цветок. Пустая глазница черепа. И пламя, бесчисленные языки пламени, пожирающие все это.

Мужчина окинул взглядом три сотни студентов, сгрудившихся в амфитеатре лекционной аудитории Хоха в Будиг-холле. Куда ни повернись, повсюду восхищенные глаза. Официально студенты пришли сюда, чтобы слушать лекцию для первокурсников «Хоррор в массовой культуре: введение». Но он понимал, почему в зале нет ни одного свободного места. Он был не просто резидентом Лоуренса и выпускником Канзасского университета, он был автором бестселлеров, «экспертом» по ужасам.

Сэм провел ладонью по остриженной голове, почувствовал кожей короткие волоски.

Не облажайся! Ты же вроде как специалист по кошмарам.

Прошелся по аудитории, чувствуя, как все присутствующие следят за ним взглядом, точно хищники за жертвой.

– Чего мы не знаем? – задал он риторический вопрос, и голос эхом отозвался в самых темных и дальних уголках похожей на пещеру аудитории. – Что скрыто – намеренно скрыто – от нас? Готическая традиция имеет дело с тайнами, мрачными тайнами, ужасными тайнами, скрывающимися прямо за фасадом обычной жизни. Современный хоррор до сих пор находится под сильным влиянием этой традиции. Но тайны больше не поджидают нас в жутких старинных замках. Готика вторгается в нашу повседневную реальность. На старую ферму из «Техасской резни бензопилой». В японский пригородный дом из «Проклятия». Даже на видеокассету из «Звонка». В литературе восемнадцатого-девятнадцатого веков зло, распространяющееся, подобно заразе, обитало в ветхих руинах – мы видим это в «Монахе» Льюиса, «Удольфских тайнах» Радклиф и «Мельмоте Скитальце» Метьюрина, – но теперь оно проникло в наши города, в наши пригороды, в наши дома. И это гораздо страшнее, не так ли?

По аудитории пробежал одобрителный шепот, несколько голов в многоглазой массе перед ним кивнули.

Сэм начал прохаживаться по аудитории быстрее, все более увлекаясь темой.

– Так что же делает роман однозначно готическим? В основе «Кошмара на улице Вязов» лежит тайна, которую родители с улицы Вязов скрывают от своих детей: они взяли закон в свои руки и убили Фредди Крюгера. В «Пиле» зритель гадает, кто такой Конструктор и что им движет. Так почему же в этих фильмах не чувствуется такой связи с готической традицией, как в других ужастиках?

Студенты неуверенно поглядывали друг на друга, никто не хотел первым дать неправильный ответ.

– Ну хорошо, – наконец сказал Сэм. – Есть несколько основных причин.

Воздух наполнил химический запах: Сэм снял колпачок с маркера. Повернувшись к висевшей на черной стене внушительной белой доске, он быстро вывел начальный пункт своего списка.

– Первое: зло исходит из одного места, – прочел он вслух написанное. Развернулся, оперся на массивную деревянную кафедру и обратился к аудитории: – Да, уже из названия следует, что кошмар происходит на улице Вязов, но фильм как таковой не дает ощущения, что зло исходит именно отсюда. Мы почти ничего не узнаём о географии улицы Вязов, о том, как близко к ней находились обреченные детишки, не узнаём даже, действительно ли ужасные деяния Фредди совершались и совершаются только в этой части Спрингвуда. В итоге стерильно-безопасная улица Вязов оказывается не более чем эффектным контрастом для всепоглощающей угрозы «кошмара». Зато в «Техасской резне бензопилой» ужас сосредоточен в старом доме в техасской глубинке. Если бы роковое любопытство не привело подростков в логово Кожаного Лица, они бы остались целы. Зло – за той дверью. Не открывай дверь, и ничего не случится.

Маркер пискнул бурундуком, выписывая на доске следующий пункт.

– Второе: запретная история. С местом действия должна быть связана какая-то мрачная история, будь то любовная связь Квинта и гувернантки в «Повороте винта» или пригородная утопия «Полтергейста», где новенькие дома, как выясняется, возвели прямо на телах с оскверненного кладбища. Даже в этих случаях, когда сюжет прочно укоренен в области сверхъестественного, тайную историю намеренно скрывают от главных действующих лиц. Третье: атмосфера упадка и разрушения. Это может быть физическое разрушение, как в классике готической литературы: упомянутые мною ветхие руины и зловещие поместья до сих пор появляются в фильмах вроде «Других», «Женщины в черном» и «Багрового пика». Но разложение может быть и психическим, как в «Жильце» Романа Полански, где главный герой переезжает в безобидную на первый взгляд квартиру и начинает терять рассудок. Чаще всего мы наблюдаем комбинацию первого и второго – упадок и разрушение физических объектов ведут к ментальному упадку персонажа. Мы встречаем это снова и снова в таких книгах, как «Призрак дома

на холме», и таких фильмах, как «Девятая сессия», где очистка помещения заброшенной психиатрической больницы «рифмуется» с умопомешательством одержимого жаждой убийства начальника бригады. И наконец... – Сэм вывел на доске последний пункт. – Четвертое: совращение невинных. То бишь вас, ребята.

В аудитории раздался смех.

Сэм закрыл маркер колпачком, положил на бортик, идущий вдоль нижнего края доски, и вернулся к кафедре:

– Это, возможно, важнейший элемент любой хорошей готической истории. Уберите его – и что останется? Какая-то старая вонючая хибара с темным прошлым, о котором никто не помнит и на которое всем наплевать. А нам необходим персонаж, который обеспечит силам зла долгую жизнь. – Он достал с полки внутри кафедры потрепанную книгу и поднял повыше, демонстрируя аудитории изящный рисунок на обложке и набранные классическим шрифтом заглавие и имя автора. – «Уходя, гасите свет» Себастьяна Коула. У вас у всех должна быть эта книга.

Большинство студентов закивали, некоторые подняли свои экземпляры, показывая, что сделали, как велел Сэм: приобрели книгу.

– Вы, наверное, недоумеваете, зачем я заставил вас купить этот сборник, если мы собираемся обсуждать только один рассказ из него. Да потому, что Себастьян Коул – один из величайших авторов романов ужасов всех времен. И я хочу убедиться, что у вас у всех есть хотя бы одна его книга. Кто из вас уже читал Себастьяна Коула?

Поднялись несколько рук – увы, меньше, чем надеялся увидеть Сэм.

Прыщавый парень с центрального ряда выкрикнул:

– «Едва заметная тень»!

Сэм радостно кивнул:

– Есть мнение, что это лучшая книга Коула, хотя выбрать фаворита из обширного корпуса его работ затруднительно, по крайней мере, для меня. Итак, рассказ, который я попросил вас прочесть к сегодняшнему дню...

В воздух взвилась рука. Принадлежала она юноше ближневосточной наружности. Даже по тому, как парень сидел, было видно, что роста он выдающегося: длинные ноги неловко согнулись, колени упирались в сиденье впереди. Рука, казалось, сейчас дотянется до потолка.

– Да? – спросил Сэм.

– А ваши книги? – поинтересовался юноша. – Как все это отражается в них?

И тут же откуда-то из правой части аудитории другой, девичий голос выкрикнул:

– Расскажите про «Под ковром»!

Несколько не в меру рьяных студентов завопили и засвистели.

«Осторожнее, – напомнил себе Сэм. – Они хотят расколоть тебя, как орех».

Он сжал здоровой рукой другую, покрытую шершавой, словно у ящера, кожей.

Шум стих.

– О'кей. Это по-честному. Как готическая традиция представлена в моем творчестве? Ну что же, в «Под ковром» я попытался задействовать все четыре пункта и создать современный готический роман ужасов. Отец-одиночка, рабочий, переезжает со своим маленьким сыном на старую, заброшенную ферму в Оклахоме. Вот и первый пункт: зло исходит из одного места. Герой надеется, что потом и кровью сможет добиться урожая на здешней каменистой почве, сможет уговорить ее снова дать жизнь растениям, но он не знает, что этот забытый клочок земли стал бесплодным из-за событий, случившихся столетие назад. Если вы читали роман, то понимаете, о чем я. Если не читали, то я не буду портить вам удовольствие и скажу лишь, что здесь замешаны детоубийца, похищение ребенка и жестокая месть. Вот и второй пункт: запретная история. Третий пункт, упадок и разрушение, воплощен в самой ферме. Но также и в том, что происходит с отношениями отца и сына. Сначала – когда отцу не удается выра-

тить ничего, кроме сорняков, затем – когда у сына начинает проявляться странная, пугающая сверхъестественная сила. И вот вам четвертый пункт: совращение невинных. Видите ли, сила, которую начинает выказывать этот мальчик, – не Божий дар, а свидетельство того, что страшное зло хочет снова явиться в мир. Возьмите несколько сюжетных параллелей, затрагивающих темы плодородия и уязвимой маскулинности, добавьте несколько на первый взгляд неожиданных смертей и поражающего воображение насилия, хорошенько взболтайте, украсьте сверху потайным луком, который располагается в буквальном смысле «под ковром», и наслаждайтесь густым, насыщенным вкусом современного готического хоррора, достаточно острого, чтобы вы не забывали: для детского питания этот напиток не подходит.

В аудитории раздалась добродушные смешки. Подняла руку бледная рыжеволосая девушка. И, даже не дожидаясь, когда Сэм ее заметит, спросила:

– В чем ваша тайна?

Сэм почувствовал запах дыма. Дыхание перехватило, он чуть не закашлялся. Воздух внезапно обрел резкий серый привкус золы и пепла.

– Простите, – сказал он, с трудом переведя дух. – Что вы имеете в виду?

– Вы говорили, что все эти книги и фильмы – про тайны, верно?

Тонкие губы девушки едва шевелились, голос был такой тихий, что, пытаясь расслышать студентку, Сэм невольно наклонился вперед. От этого непроизвольного движения его внезапно охватила необъяснимая тревога.

– Да... – начал Сэм.

Студенка не дала ему продолжить:

– Вы говорили, что литература – дело интимное, что писатель всегда вкладывает в свою историю частичку самого себя. Так в чем же ваша тайна?

Сэм молчал.

С последнего ряда выкрикнули:

– Она спрашивает, почему вы пишете ужастики.

Сэм посмотрел туда, откуда шел голос. Узкий луч света уже пересек аудиторию, но пока достиг только средних рядов. Галерка практически терялась во тьме. Угадать, какая из сидящих там бесформенных теней заговорила, было невозможно.

Тонкая струйка дыма скользнула вниз по горлу, между легких, сдавила тело изнутри, заставила Сэма выдохнуть сквозь зубы. Дымная змея свернулась под ребрами и сжала свои кольца еще туже, просунула серую голову в трахею. Задрала морду, ткнулась в верхние доли легких, ища лазейку.

– Почему вы пишете ужастики? – снова громыхнул голос.

Сэм Мак-Гарвер уже не стоял в просторной лекционной аудитории Канзасского университета.

Ему было десять лет, его одежда была запачкана чужой кровью, его лицо освещали яростные отблески неукротимого огня. Жалкий мальчишка, крохотный силуэт на фоне адского пламени.

Теперь уже взрослый, Сэм молча стоял перед студентами, пока не прозвенел звонок, избавив его от вопроса, отвечать на который он не хотел.

Илай Блок в измятом костюме сидел на веранде пивной «Фри Стэйт» с пинтой пива в одной руке и телефоном – в другой. К выпивке он еще толком не притронулся. Сейчас Илай был озабочен двумя задачами: написать помощнику ругательное электронное письмо, используя минимум знаков, и дождаться своего самого важного клиента, Сэма Мак-Гарвера.

– Господи, хреново же ты выглядишь, – раздался голос.

Илай поднял голову. Сэм. Ну наконец-то.

– Ага, и чувствую себя аналогично. Ненавижу этот город. Уезжай отсюда в Нью-Йорк немедленно.

Сэм слабо улыбнулся:

– Не дождешься.

Илай, как мог, подвинулся на забитой людьми скамье:

– Садись.

– Я сейчас. Схожу возьму пива.

– Бери мое. – Не дожидаясь ответа, Илай сунул Сэму стакан.

Сэм устроился на выделенном ему клочке скамьи. Поднес стакан к губам и двумя большими глотками осушил его наполовину. С потолка веранды, покачиваясь, свисали на веревочках фонарики-тыковки. Одна тыковка все мигала и мигала, грозя в любую секунду испустить дух. Сэм откинулся на деревянные перила, глубоко вздохнул и стал смотреть, как умирающий фонарик гаснет и загорается, гаснет и загорается.

– Что, все настолько плохо? – спросил Илай.

Сэм плотнул еще пива. В стакане уже почти ничего не осталось.

– Ты чего хотел, Илай?

– Просто проведать. Узнать, как ты тут.

– И ради этого ты летел на самолете? Не мог просто позвонить и спросить?

Теперь настала очередь Илая подыскивать подходящие слова. Таковых не нашлось.

Помолчав, он решил рубануть сплеча:

– Мне звонила Эрин. Она о тебе беспокоится.

– Зря она это.

– Я тоже о тебе беспокоюсь.

Сэм опрокинул в рот остатки пива. Отдал пустой стакан проходившей мимо официантке и шепнул:

– Мне светлого.

Официантка кивнула и исчезла в пивной.

– Ты ничего не пишешь, – без обиняков сказал Илай.

– Ты просто не в курсе.

– Да ну! Так у тебя есть что мне показать? Есть сколько-то страниц рукописи?

– Покажу, когда будет готово.

– А это когда? – Голос у Илая стал злым. – «Дурная кровь» выпала из списка бестселлеров больше года назад. Люди спрашивают, когда ждать новую книгу, а я не знаю, что им отвечать. И начинаю сомневаться, будет ли вообще новая книга.

– Она на подходе, – заверил Сэм.

– Ври больше. Я еще ни страницы не видел. И редактор твой – тоже.

– Оба всё увидите, когда я закончу.

– А когда ты закончишь? – В интонации Илая засквозило отчаяние. – Ты два года над ней работаешь. Или говоришь, что работаешь.

В толпе не было заметно никакого движения, но официантка каким-то чудесным образом снова оказалась рядом. Она подала Сэму свежее пиво – тот кивнул на Илая:

– Запишите на его счет.

Официантка бросила взгляд на Илая. Он утвердительно тряхнул головой, и официантка снова исчезла.

Илай потер потными ладонями брюки, словно пытаясь разгладить морщины на ткани:

– Чувак, что ты творишь? Ты ничего не пишешь. Запрятался в вонючую аудиторию и преподаешь: болтаешь о чужих книгах. – Он немного помолчал и, собравшись с духом, добавил: – А еще ты разводишься.

– Мы разъехались, – поправил Сэм.

– Угу. Конечно. И много ты знаешь разъехавшихся пар, которые разобрались со своими проблемами?

Сэм промолчал.

– Зачем ты пытаешься разрушить свою карьеру?

– Я не пытаюсь.

– Ну, поддерживать ее ты что-то не особо стремишься.

Толпа внезапно задвигалась: кто-то прокладывает себе дорогу к двери. Людская масса колыхалась, словно длинная гусеница, ползущая по листу. Бородатый парень, стоявший прямо перед Сэмом, был вынужден сделать шаг назад и ткнулся Сэму в плечо. Немного пива выплеснулось из его стакана, холодный ручеек побежал по запястью и дальше – в запутанный лабиринт шрамов.

– Все, что я пишу, кажется мне слабым, фальшивым, – внезапно признался Сэм. Он наморщил лоб, словно удивляясь собственным словам. – Что бы я ни написал, мне тут же слышится голос Эрин, который говорит, что я способен на большее.

– А ты способен? – спросил Илай. Это было не изъявление недоверия. Это был честный вопрос.

– Досадно, что тебе пришлось сюда лететь, – сказал Сэм и ополовинил второй стакан. – Я тебе всегда рад, Илай, но ты мог просто позвонить.

– Знаю, – ответил Илай.

Сэм встал, похлопал его по плечу и начал пробираться сквозь толпу к выходу с веранды.

Он уже одной ногой стоял на тротуаре, когда Илай крикнул ему вслед:

– Почему ты пишешь ужастики?

Сэм застыл как вкопанный.

Ну конечно! Тот самый голос, что раздался из сумрака на галерке в Будиг-холле.

Сэм медленно обернулся к Илаю:

– Это был ты?

Илай не стал отводить взгляд. Он был готов драться, если придется.

– Я должен был увидеть, что же отрывает дико талантливого писателя от собственно писания. Что бы ни мешало тебе закончить книгу, надо разобраться с этим и двигаться дальше. Нельзя вечно прятаться в аудитории.

– Твою же мать, Илай.

– Сэм, если ты считаешь, что Эрин права, если ты считаешь, что способен на большее, покажи нам это большее. Напиши о том, что тебя реально волнует. Если тебя хоть что-то сейчас реально волнует.

Сэм не снизошел до ответа. Нырнул в толпу и пропал.

Бутылка «Буллета» так и ждала на кухонной стойке.

Звякнуло стекло: Сэм достал из шкафчика бокал и налил себе виски на два пальца. Сделал глоток – горло обожгло, и затаившийся в груди удав ослабил свою хватку. На смену удушающей дымно-пепельной пелене пришло умиротворяющее спиртовое тепло. Он закрыл глаза и почувствовал, как жар растекается от груди к конечностям.

Из кухни перебрался в гостиную: пустой дом наполняла тишина. За гостиной была столовая, а наверху располагались две ваннные комнаты и три спальни, одну из которых он приспособил под кабинет. Все было точно так же, как когда они въехали сюда с Эрин пять лет назад. Только теперь это были *его* комнаты, *его* дом.

Сэм поднес бокал к губам, но пить не стал. Застыл посреди гостиной – насекомое в янтаре, выпавшее из времени. Хорошо бы навсегда остаться в этом мгновении. Он не хотел ложиться в постель один. И не хотел сидеть перед пустым файлом на экране компьютера, слушающая осуждающий голос в голове. Вот бы остаться здесь, прямо здесь, не шевелиться, уберечься от опасностей, которыми грозит малейшее движение.

Из дальней комнаты на втором этаже раздалось слабое «динь!»: компьютер в кабинете сообщил о новом письме.

Секунду спустя зажужжал мобильный в кармане.

Сэм вытащил телефон, экран зажегся.

Он увидел Эрин – на середине четвертого десятка прекрасная как никогда, зеленые глаза светятся радостью, руки обвивают талию Сэма, ее щека прижата к его щеке.

Пора бы уже сменить старые обои, Сэмми.

Сэм нажал на кнопку с изображением домика, и фотография, к счастью, скрылась под кучей иконок приложений.

На значке электронной почты появился красный кружок с цифрой 1.

Он ткнул в иконку. Выскочил список входящих. Непрочитанное письмо было выделено жирным шрифтом.

Сэм нахмурился, прочитав тему:

Приглашение

И над темой – адрес отправителя:

Wainwright@WrightWire.com

Он открыл письмо и принялся читать.

Пустой дом терпеливо ждал, когда Сэм нарушит тишину.

Глава 2

Суббота, 8 октября

Лезвие скользнуло вниз, легко обнажив влажную красную мякоть. Толстый язык возбужденно облизнул губы, и в следующий момент вилка с куском мяса пролезла между кривых зубов. Прозрачный сок потек по подбородку.

– Вы же знаете, как мы рады с вами работать, – сказал едок с набитым ртом. – Честное слово. Мы и сейчас очень, очень рады с вами работать.

Ти-Кэй Мор смотрела, как одутловатый лысеющий мужчина в мешковатом черном костюме поглощает стейк, и думала про себя: «Ну все, приехали. Конечная станция. Сейчас меня отымеют. Причем даже без оргазма».

Она шла на этот ужин в надежде, что ее ожидания не оправдаются. Встретили ее улыбками, объятиями и поцелуями в щеку. Перед ней даже отодвинули стул, словно сама она была не в состоянии совладать с такой сложной штуковиной, как предмет мебели на четырех ножках.

Мужчины заказали себе крепкие коктейли, пытаясь продемонстрировать друг другу свои глубокие познания в области виски и скотча.

Они понемногу закусывали с маленьких тарелочек мясом домашнего копчения, местными сырами, жареным осьминогом, желтохвостом, тартаром из говядины и фаршированным желудком барашка.

Они радушно улыбались, даже когда она уселась за стол в полутемном зале западно-голливудского стейк-хауса прямо в солнцезащитных очках и скрестила руки на груди.

Они заверили ее, что хотят обсудить проект на равных условиях.

Они хотели начать все с чистого листа.

Только все их заверения говна не стоили. Это было понятно по пустым комплиментам, по осторожной лести. Ягодки были впереди.

Черт, могла бы и догадаться, что все так и будет.

Тип в мешковатом черном костюме вытер рот льняной салфеткой и с энтузиазмом продолжил резать филе миньон.

– Поэтому, – сказал он, слизнув мясной сок с подбородка, – мы хотим услышать *ваше* мнение о проекте. Ну, как *вы* его понимаете. – Запихнул в рот кусок стейка еще больше предыдущего и принялся шумно жевать.

Мор перевела взгляд на мужчин, сидевших по обе стороны от него. Того, что посередине, звали Гэри Брайсон, он был главой киностудии. Слева от него – вице-президент по развитию, Таннер Стерлинг, тощий и скользкий тип в очках с голубоватыми стеклами и клетчатой рубашке. На дурацком лице Таннера вечно играла полуусмешка, словно любой стоящий перед ним человек по умолчанию был круглым идиотом и посему заслуживал бесконечного презрения. Справа от Брайсона сидел Филип Ченс, продюсер проекта и реально адекватный мужик. Но его добрый нрав редко подкреплялся силой воли. Филип неловко ерзал на стуле, к своей недосоленной и слишком дорогой еде он едва прикоснулся. Филипу было за шестьдесят, кожа на его лице обвисла, под добрыми карими глазами темнели мешки. Он явно был не в восторге оказаться между двух огней.

– Как *я* его понимаю? – переспросила Мор. Каждое ее слово было словно острая ледышка.

– Если вас не затруднит, – сказал Гэри, звучно причмокнув губами.

Таннер подался вперед, а Филип вжался в спинку стула.

Мор, словно любимую зверюшку, погладила свои перекинутые через плечо длинные угольно-черные волосы. С боков ее голова была обрита наголо. В темных стеклах очков отражалась стоящая на столе свеча: ее пламя плясало, словно в глазах Мор пылал пожар.

– Что я думаю о сценарии фильма по моему роману? Вы, мать вашу, издеваетесь!

Гэри застыл с полуоткрытым ртом, полным недожеванного мяса.

– Мы просто... – Он с трудом сглотнул и прочистил горло. – Мы хотим узнать, каково ваше видение.

Мое видение. В смысле моя книга?

Мор откинулась на спинку стула и окинула взглядом сидящих вокруг людей: кучка богатых промышленников в приталенных костюмах, бородатые хипстеры с по-гейски зализанными волосами и скелетоподобные блондинки с пухлыми губами, похожими на насосавшихся крови пиявок. Из белых динамиков на потолке бухала невнятная электронная музыка.

Ее молчание становилось неприлично долгим.

Таннер потер потные ладони. Когда он заговорил, Мор невольно представила себе противного мультяшного мышонка в круглых очках с толстыми стеклами. Видя такого на экране, с нетерпением ждешь, когда его разорвет на клочки голодный кот.

– Мы просто пытаемся прийти к взаимопониманию.

Мор мотнула головой так, что черная грива взметнулась с ее плеча, точно атакующая змея:

– Вы прочли мою книгу?

– Разумеется, я ее прочел.

– Опишите мне сюжет.

Таннер неловко поерзал на стуле:

– Я не думаю, что нужно...

– Опишите сюжет, – повторила Мор.

Таннер сидел как на иголках. Он тоненько, удивленно хихикнул:

– Вы серьезно?

– Вы же вроде как эксперт.

Таннер посмотрел на Гэри. Он не хотел садиться в лужу.

Это не укрылось от Мор.

– Идите на хер, Таннер. – Склонив голову набок, она смерила взглядом Большого Босса в мешковатом костюме. Тот уже забыл про свой стейк, мясной сок на тарелке начал загустевать. – Так в чем дело, Гэри? – спросила Мор. – Зачем вы позвали меня на ужин?

Гэри отложил свою вилку:

– Послушайте, дорогуша, ваш роман здесь ни при чем.

Дорогуша. Только попробуй назвать меня так еще раз.

– Роман отличный. Поэтому мы и купили на него права.

– Отличный, – повторил Таннер.

– Он просто немного... радикальный.

– Совсем немного, – снова попугаем поддакнул Таннер.

– Мы хотим чуточку сгладить углы. Попробовать выйти на более широкую аудиторию.

– То есть хотите сделать из него подростковую мелодраму «двенадцать плюс», – вскипела

Мор.

– Нет, – заверил Гэри. – Всего нет, мы лишь хотим усилить акцент на зловещей любовной истории, находящейся в центре повествования. Сделать главную тему более удобоваримой.

Мор запустила руку в элегантную кожаную сумку, висевшую на спинке стула, вытащила книгу в мягкой обложке и швырнула на стол. Книга приземлилась в самую его середину, всеми своими четырьмястами тридцатью двумя страницами, заставив серебряные приборы звякнуть о тарелки, а кубики льда – подпрыгнуть в бокалах.

– Скажите мне, что вы видите. – Это было и требование, и вызов.

Трое мужчин поглядели на обложку.

Рисунок был простым и выразительным, как на обложках всех романов Мор: рука девочки-подростка, сжимающая окровавленное бритвенное лезвие, застыла над обнаженным бедром. Грубыми, неровными буквами на бедре было вырезано название книги – «Надрез». На запястье девочки падала тень от второй руки – судя по размеру и форме, явно мужской, – словно это она направляла лезвие, искалечившее податливую плоть. Корешок книги был весь в изломах, верхний правый угол топорщился из-за множества загнутых уголков страниц.

Принять вызов отважился Гэри:

– Ну что же, книга весьма сложная. Эротичная, мрачная. Поэтому мы и хотим рассказать эту историю в фильме, хотим передать *дух* вашего романа...

– Ясно, – оборвала его Мор. – Очевидно, никто из ваших подчиненных не удосужился хотя бы на пару минут вытащить ваш член из своего рта, чтобы пересказать вам аннотацию на задней обложке. Поэтому позвольте мне сделать это. – Она взяла книгу со стола, перевернула и начала читать аннотацию: – «Действие романа разворачивается в обманчиво идиллическом пригороде, охваченном эпидемией подростковых суицидов. „Надрез“ – зловещая история о группе пресыщенных старшеклассников, захотевших найти себе развлечение поинтереснее самопальных наркотиков и беспорядочного секса. В отчаянных попытках разнообразить свою невыносимо унылую жизнь они врываются в дом одноклассницы, чтобы устроить погром. И находят труп девушки-самоубийцы, покрытый тысячами надрезов, сделанных бритвенным лезвием».

Таннер раздраженно вздохнул:

– Пожалуйста, мисс Мор, мы знаем, о чем роман.

– Вот тут начинается самое интересное, – продолжила Мор, не обращая на него внимания. – «На полу лежит раскрытым древний проклятый фолиант – членовредительское руководство по достижению астральной проекции через самокалечение. И вот подростки уже увлечены все более и более жестокими ритуалами, они покидают свои истекающие кровью тела, чтобы в оргазмических трипах исследовать границы реальности».

– Это действительно необходимо? – спросил Таннер.

– Да. Необходимо, – коротко и сухо ответила Мор. И стала читать дальше: – «Но некая сущность мешает им вернуться назад. Некая сущность в тысячу раз могущественнее и омерзительнее всего, что им доводилось видеть в самых диких своих фантазиях, в самых страшных кошмарах».

– К чему вы ведете, мисс Мор?

Мор внезапно сорвала с лица темные очки. Глаза у нее были серые и холодные. Зеленые крапинки на радужных оболочках внушали надежду – они походили на мох, карабкающийся по древнему камню. Но что-то было явно неладно с правым глазом. Со зрачком. Он потерял форму, словно растекшийся темный желток испорченного яйца. Растянулся и проник в радужку, грозя поглотить ту малую толику цвета, что в ней оставалась.

– Что, черт подери, здесь похоже на мелодраму?

– Никто не хочет превратить «Надрез» в мелодраму, – заверил Гэри.

Мор медленно повернулась к нему. Ее деформированный зрачок словно разрастался, всасывая в себя остатки скудного света над столом.

– Я знаю, что вы взяли нового автора. Я видела последний вариант сценария.

Гэри сверкнул глазами на Таннера. Таннер вздрогнул и, чтобы перевести стрелки, устремил обвиняющий взгляд на Филипа.

– Она имела полное право увидеть сценарий, – сказал тот.

Гэри провел ладонью по своему гладкому, бледному лысеющему лбу:

– Господи, Филип. Да что с тобой такое?

– Мы всего лишь пытаемся выйти на более широкую аудиторию, – не сдавался Таннер. Он пытался вернуть ситуацию под контроль. – Поэтому мы взяли наиболее симпатичных читателю персонажей и развили их образы.

– *Развили*, – саркастически усмехнулась Мор.

– Именно.

– Я скажу, что вы сделали: вы выдумали любовную историю, которой нет в романе, чтобы фильм превратился в жалкую мистическую дрисню наподобие «Сумерек».

– А если начистоту, что тут, мать вашу, плохого? – выпалил Гэри.

– Это уже не моя книга.

– Верно. Это не ваша книга. – Гэри откинулся на стуле. – Это *наш* фильм.

Ну, вот и все. Маски сброшены. Наконец-то.

С любезностями было давно покончено. Гэри загнал Мор в ловушку, и все за столом это понимали.

– Права мы купили. Разрешение на экранизацию вы нам дали. Наше с вами сотрудничество окончено. Теперь мы будем работать с «Надрезом» так, как *мы* считаем нужным. Черт, да мы, возможно, и заголовок этот гребаный заменим. На что-нибудь, знаете ли, попримичнее. Если хотите поорать и постучать каблучками, наорите сперва на юриста, который вас во все это втянул. А теперь, если не возражаете, я доем свой стейк. Потом, может быть, еще и десерт закажу. Хотите – оставайтесь, хотите – уходите. Дело ваше.

Гэри взял нож и вилку, отрезал здоровенный кусок холодного стейка и с довольным видом запихнул его в свой ухмыляющийся рот. Он пристально смотрел на Мор, одинаково наслаждаясь и мясом, и моментом.

Мор медленно надела очки. А потом, к изумлению всех присутствующих, закивала.

– Вы правы, – сказала она.

Второй раз за вечер Гэри застыл, не дожевав.

Мор провела ладонями по своим бритым вискам, словно сбрасывая капюшон, который до этой минуты мешал ей видеть:

– Вы правы. Думаю, я просто не так смотрела на проблему.

Гэри покосился на Таннера и прищурился, словно спрашивая: «Что эта сучка удумала?»

Таннер пожал плечами.

Мор протянула руку через стол и коснулась ладони Гэри. Кончики ее покрытых серебристым лаком ногтей чуть царапнули его обгоревшую на солнце кожу. Дрожь пробежала от основания черепа Гэри до кончика его члена.

– Простите, Гэри, – сказала Мор. – Я, честно, не ругаться сюда пришла.

Гэри забыл о еде. Он скользнул взглядом по открытому декольте Мор, затем посмотрел в темные стекла ее очков. Огоньки снова были там. Они мерцали. Танцевали.

– Просто... ужасы очень дороги мне.

Она переплела его неуклюжие пальцы со своими, подтянула его ладонь ближе к себе.

– Ну что же, это я понять могу, – промямлил Гэри. – Я не виню вас за откровенность.

Мор засмеялась с явным облегчением:

– Слава богу. Простите, я не хотела вас оскорбить.

Свободной рукой Гэри отмахнулся от ее извинений, словно отгонял дурной запах:

– Ничего страшного. Все в порядке, честное слово.

Таннер и Филип наблюдали этот обмен репликами с растущим недоумением. Никто из них еще не слышал, чтобы Ти-Кэй Мор за что-то извинялась.

– Я лишь хочу, чтобы вы как следует поняли кое-что. – В ее взгляде, устремленном на руку Гэри, сквозило нечто близкое к обожанию. Серебристым ногтем Мор прочертила на его волосатых костяшках затейливый узор, потом повела пальцем по тыльной стороне ладони вниз, к запястью.

Гэри выпрямился на своем стуле.

Ласковый палец Мор вернулся к верхней части его ладони, дошел до кончика его указательного пальца. Ногти Гэри являли собой настоящую выставку достижений дорогущего маникюра, это была единственная тщательно ухоженная часть его тела.

– Понимаете, ужас для меня – это нечто выстраданное.

– Я понимаю.

– Это не детские игры.

– Согласен.

Мор легонько потянула Гэри за указательный палец, словно фермер, проверяющий коровье вымя.

С толстых губ Гэри сорвался еле слышный вздох.

Таннер бросил на Филипа ошарашенный взгляд. Они оба понимали, что за столом их сейчас считай что нет. Они были больше не нужны. Вечер принадлежал Гэри и Мор, и никому больше.

– Страх очень похож на секс, – продолжала Мор. – Грубый, первобытный, и, когда он хорош – когда он *и впрямь* хорош, – бывает даже немного больно. Но это приятная боль, вы же понимаете?

Толстяк кивнул и попытался что-то сказать, но лишь выдохнул.

Мор погладила его палец. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

– Потому что в этом и заключается суть хоррора. В боли. В невыносимой, всепоглощающей боли. Такой реальной, такой жестокой, что ты почти что испытываешь извращенную потребность в ней. От нее мурашки бегут по коже, намокает киска и твердеет член. Боль нужна нам, чтобы ощущать себя живыми. Она доказывает нам, что мы существуем. И настоящий ужас начинается, когда мы осознаем, что погоня за этим ощущением – за доказательством нашей подлинности – привела нас в страшное темное место, откуда нет выхода. Вот *истинный* ужас. Когда соблазнитель набрасывается на нас и сделать уже ничего нельзя. Мы потеряли контроль над ситуацией. И теперь нас ждет чудовищная, невообразимая расплата.

Мор стиснула палец Гэри так, что кончик побелел. Другой рукой она схватила с его тарелки нож для стейка.

– Вот, к примеру, секунду назад вы были уверены, что я к вам клеюсь.

Мор прижала острие ножа к пальцу Гэри, завела прямо под изящно подстриженный ноготь.

– А сейчас я загоню вам этот сраный нож под ваш поганый ноготь.

Мор легонько нажала – кончик ножа погрузился в мягкую плоть. Под ногтем расплылось крошечное кровавое пятнышко.

Изо рта Гэри вырвался жуткий звук, похожий на панический взвизг щенка, которого пнули ногой. Он дернул руку, и Мор выпустила его палец.

Таннер бросился к ней через стол, но Мор уже отложила нож и поднялась на ноги.

– Ах ты сучка! – прошипел Гэри. – Гребаная шизанутая сучка!

Ресторан замер, все глаза устремились на Мор и трех мужчин за столом.

– Спасибо за ужин, дорогой Гэри. Было очень приятно. – Она закинула на плечо цепочку, заменявшую ее сумке ремешок, черные волосы обвилились вокруг стальных звеньев, словно побеги разумного растения. Затем ткнула серебристым ногтем в книгу на столе. – Это оставьте себе. Может, вам даже захочется почитать.

– Тебе конец, слышишь? – Казалось, Гэри сейчас разорвет от бешенства.

Но Мор уже толкнула дверь и растворилась в до сих пор хранящем тепло воздухе калифорнийского осеннего вечера.

Лучи фар пробежались по дому на вершине холма, осветив суровый бетонно-стеклянный современный фасад середины прошлого века.

Золотистый «Мазерати-Гран-Туризмо» влетел на подъездную дорожку. Шины взвизгнули – машина резко затормозила.

Едва заглушив двигатель, Мор выскочила наружу. Она дрожала, все тело сотрясали мучительные спазмы. Когда она только вышла из ресторана, все было в порядке, и руль она держала крепко. Но чем выше она поднималась по склонам Голливуд-Хиллз, чем ближе подъезжала к дому, тем сильнее ее била дрожь. Мор подозревала, что, живи она на квартал дальше по узкой извилистой дороге, трясущиеся руки не справились бы с управлением и автомобиль полетел бы в каньон.

Но теперь она дома. В безопасности.

Тогда почему я до сих пор трясусь, как паршивая болонка?

Мор охватила ярость, по венам помчался адреналин. Она слышала, как бешено колотится в груди сердце.

«Вдохни», – скомандовала она себе. И вдохнула – легкие наполнил холодеющий вечерний воздух. Мор начала успокаиваться. Руки перестали трястись, потом их примеру последовали остальные части тела.

Где-то с минуту Мор стояла на краю подъездной дорожки и просто дышала.

Вдох – выдох. Вдох – выдох.

«О`кей», – подумала она.

О`кей.

Она вновь обрела власть над своим телом. Паника пока что была побеждена.

– Соберись, сучка, – сказала Мор вслух и усмехнулась собственным словам.

С середины подъездной дорожки она увидела маленький бледный прямоугольник, словно парящий в воздухе перед входной дверью.

Подойдя ближе, Мор поняла, что прямоугольник не парит: он приклеен к тяжелой дубовой двери скотчем, а свет ближайшего фонаря отражается от кремовой бумаги конверта, создавая оптическую иллюзию. На нем изящным почерком было выведено одно-единственное слово: «*Приглашение*».

Мор уже протянула руку, чтобы сорвать послание с двери, но вдруг замерла.

На конверте не было марки. Не было обратного адреса. Отправитель доставил его лично.

«Не открывай», – предостерег внутренний голос.

Это было глупо. Что страшного может оказаться в конверте? Однако мысленно Мор перебрала все возможные варианты, все опасности: любовное письмо от stalkера, гневное послание от злобной мамы, считающей, будто это Мор виновата в том, что ее ребенок себя режет, любезности от соседа, которого она знать не желает.

И наконец, самое тревожное: это может оказаться ни то, ни другое и ни третье, а нечто совершенно неожиданное.

Голос в голове зазвучал снова, уже громче:

– Не открывай!

Ти-Кэй Мор замерла у двери своего дома, октябрьский ветер ласкал невидимыми пальцами густую гриву ее черных волос.

Глава 3

Вторник, 11 октября

Во всем был виноват дом.

Что-то проникло в него. Окружило Сэма. Пыталось задушить.

Тишина.

Тишина, от которой было трудно дышать.

За широким панорамным окном кабинета на втором этаже покачивались на фоне ночного неба угловатые силуэты верхушек деревьев, озаренные светом невидимого фонаря. Ветви торчали из мрака, точно уродливые кости, без всякой надежды удерживая хрупкие осенние листья. Налетел ветер – незримый, яростный – и закружился перед двойной рамой. Тихо просвистел что-то странное на минорный лад. И умчался.

В доме вновь воцарилась тишина.

Сэм сидел за массивным деревянным столом – белая краска облупилась, тут и там виднелись призрачные отпечатки кофейных чашек. Он неотрывно глядел на монитор, курсор на пустой странице файла дразнил его, словно подмигивая, – когда-то пальцы Сэма танцевали, подгоняя его. Но те времена прошли. Теперь его руки, сложенные в бессилье, лежали на коленях. Как бы он хотел, чтобы пальцы снова ожили, потянулись к клавиатуре и исполнили номер в лучших традициях незабвенного Фреда Астера...

Пальцы не слушались.

Сэм начинал новый роман уже раз сто. Он перепробовал бесчисленное множество первых предложений. Каждое из них хранилось в отдельном файле в папке, заслуженно озаглавленной «Херня».

Малыш Келлер Рид проснулся посреди ночи, увидел в темноте свое дыхание, похожее на замерзшее облако, и понял, что тот человек снова вышел из шкафа.

Понадобилось четыре человека, чтобы поднять выбеленный солнцем могильный камень с поля позади дома Келлера Рида.

Сара Энн пристально глядела на свое отражение в зеркале, дожидаясь, когда оно зашевелится первым.

В четверть четвертого утра в свой шестнадцатый день рождения Сара Энн, спотыкаясь, добралась до дома и увидела бледное лицо в окне своей спальни.

У рыбаков был обычай приколачивать голову самой крупной рыбы из улова к телефонному столбу на Ривер-роуд, но голова, на которую глядел шериф Бимонт, принадлежала не вытащенному со дна реки сому – она принадлежала Саре Энн Бейкер.

Куклы не было там, где она оставила ее прошлым вечером.

И, пожалуй, самое вдохновенное:

Сэм, ты говно, а не писатель, и никогда не напишешь ничего хоть сколь-нибудь стоящего, потому что сам ты фальшивка, да и книги твои – дрянь.

Дрянь... Сэм продолжал пялиться на белый экран.

На верхней полке книжного стеллажа секундная стрелка металлического будильника заставила минутную приблизиться к двум часам ночи.

Спать. Надо поспать. В десять утра у него занятия, а после пяти поглощенных накануне стаканов пива стряхнуть морок усталости будет еще труднее.

Курсор мигал, мигал, мигал...

Сэм положил пальцы на клавиатуру – медленно, осторожно, словно на спиритическую доску.

Курсор мигал, мигал, мигал...

У него были и другие истории в запасе: отрывки, написанные на желтых блокнотных листах, нацарапанные на салфетках или же хранящиеся на задворках памяти. По большей части они были похожи на его уже опубликованные романы: «Под ковром», «Багровая луна», «Кричи громче» и «Дурная кровь», которые занимали почетное место на полке прямо под проклятыми часами, что неумолимо приближали рассвет. Можно переключить передачу, взять новую задумку и устроить тест-драйв: посмотреть, как эта задумка ляжет на страницу. Не обязательно выдавать что-то гениальное. Или даже хорошее. Надо лишь дать читателям то, чего они ожидают от романа Сэма Мак-Гарвера: чтобы мужчины много вкалывали и еще больше пили, чтобы женщины любили их и чтобы за фасадом их идеального, как с открытки, средне-западного городка таилось безымянное зло.

«Сверни куда-нибудь, – подумал он. – Смени направление. Просто напиши что-нибудь. Хоть что-то. Напиши хоть один сраный абзац. Предложение. Слово!»

Курсор нахально подмигивал.

– Ты способен на большее.

Сэм охнул и обернулся в кресле.

Он слышал его. Голос. Голос, эхом донесшийся из коридора.

В дверном проеме были лишь темнота и пустота.

Не было никакого голоса. Не было никого в коридоре.

Сэм был один.

Он прилежно просидел перед пустой страничкой *Microsoft Word* еще полчаса. А потом вздохнул и нажал на «Завершение работы». Компьютер зажужжал и затих. Монитор устало мигнул и погас.

Почему так тяжело? Это же его ремесло. Это единственное, что он умеет. Надо просто придумать чертову историю.

Ты способен на большее.

Он приставил палец к кнопке «Пуск», но нажимать не стал. Сидел и слушал, как в доме что-то щелкает и поскрипывает. Ночные звуки.

Звук усадки.

Он закрыл глаза.

И вновь почувствовал вкус дыма.

Мальчик вновь стоял перед горящим домом – тень, задавленная адским пламенем.

Сэм убрал палец с кнопки. Нет, компьютер останется выключенным до утра.

В ванной он стал готовиться ко сну: почистил зубы, умылся, стянул поношенные джинсы. Достал из аптечного шкафчика оранжевый пузырек – в таких продают лекарства по рецептам – и вытряхнул на ладонь одну зеленую таблетку: тридцать миллиграммов пароксетина. «От тревоги», – говорил он сам себе. Но на самом деле пароксетином он лечил депрессию. Приглушал тоску. Таблетка должна была одолеть то, от чего он прятался с самого детства.

Хотя сквозь стены уже проникал октябрьский холод, в постель он лег в одних трусах. И не стал возиться с одеялом. Просто лежал в темноте, по-прежнему придерживаясь «своей» половины кровати, уставившись в скрытый мраком потолок.

Ты способен на большее.

Что-то попало в горло. Что-то серое, шершавое, земляное. Он не мог дышать. Он не хотел дышать. Пусть его заберут. Он заслуживает, чтобы его затащило во тьму.

То, что было в горле, свернулось туже, тлело, грозя разгореться. Сэм мечтал, чтобы пламя поглотило его. Чтобы тело распалось на обугленные куски. Мечтал снова познать ту боль, ощутить тошнотворный смрад собственного поджаривающегося мяса.

Он стиснул левое предплечье, и изувеченная плоть под татуировками вздрогнула и пробудилась, точно рептилия от лучей теплого солнца.

Оранжевый свет вспыхнул в основании черепа. Тени заплясали на стене пещеры.

Он мало получил. Легко отделался. Следовало убить себя давным-давно. Господь свидетель, он думал об этом бесчисленное число раз. О том, как вышибет себе мозги пулей. Как канцелярским ножом вскрыет руку от запястья до локтя. Как повесится на балке в гараже, и его ноги будут по-дурацки дергаться в воздухе.

Наконец Сэм перевернулся на живот. Немного полежал в тишине, и засевший глубоко в горле серый ком растворился в долгом обреченном вздохе. Он протянул руку на правую сторону кровати. Почувствовал холод простыней, которые когда-то согревало тело Эрин. Уже засыпая, проваливаясь в небытие, Сэм готов был поклясться, что коснулся ее пальцами. Ощутил ее гладкую кожу. Зов ее плоти.

Пять часов спустя Сэм Мак-Гарвер проснулся оттого, что солнце светило ему в лицо. Яркие утренние лучи лились в окно спальни. Наступил новый день.

Сэм зажмурился как можно крепче, спасаясь от света.

Тощий второкурсник, о чьей горячей любви к хоррору недвусмысленно свидетельствовала футболка в облик с логотипом *Fangoria*³, выкрикнул с предпоследнего ряда:

– А как же Сталл? Там точно есть паранормальная активность!

Сэм отхлебнул из дорожной кружки, ощутив на губах горький поцелуй еле теплого кофе. Разобравшись с «готической» частью курса, он перешел к достижениям литературы о сверхъестественном, начиная с Шеридана Ле Фаню, М. Р. Джеймса и заканчивая... ну... да какая разница? Стоило студентам начать задавать вопросы, как разговор ушел далеко в сторону от темы.

– Сталл... – Сэм прикрыл глаза и потер лоб. – Врата в ад. Мы все слышали эти истории. Когда Папа в девяносто третьем году летел в Денвер, он велел пилоту обогнуть «нечестивое место». Об этом вы можете прочесть в подробностях, если найдете в *Time* девяносто третьего года интервью с Иоанном Павлом Вторым, только вы его не найдете, потому что этого интервью не было. Поверье гласит, что, если швырнуть стеклянную бутылку в каменную стену местной церкви, бутылка не разобьется, однако сотни разбитых бутылок, захламляющих церковный двор, свидетельствуют об обратном. Мне горько это говорить, но Сталл – не более чем городская легенда, обладающая, впрочем, уникальным местным колоритом, что само по себе можно считать поводом для гордости.

Сэм покинул безопасную позицию за кафедрой и подошел к студентам.

«Осторожнее, – напомнил он себе. – Они любопытны. Они хотят разведать твои секреты».

Что-то тихо хрустнуло в темной бездне в основании его черепа. Обрушилось что-то неустойчивое. Вспыхнуло бледное пламя – и боль исчезла. Нечто поглотило ее. И все прошло. Растворилось в сумраке.

Он с силой вдавил большой палец одной руки в ладонь другой. Надо вернуться к теме лекции.

– Сталл... это... слушайте, нам всем хочется верить в чудеса, верно? Даже загадочному сносу церкви мы стремимся найти мистическое объяснение. Потому что, если мы докажем, что призраки существуют, что сверхъестественное существует, это, в свою очередь, докажет существование загробной жизни и, наконец, – для пущего эффекта он воздел вверх указательный палец, – существование Бога. И высиживать еженедельную службу в церкви, получается, необязательно. Душа теперь спокойна, ведь с таким доказательством можно не сомневаться: смерть – это не конец.

³ Американский журнал для фанатов фильмов ужасов. – Здесь и далее примеч. пер.

– Тогда дом сестер Финч, – раздался девичий голос. Повернувшись, Сэм поразился тому, что студентка, несмотря на свою явную материальность, казалась привидением: темная фигура растворялась в окружающих ее тенях. – Я знаю, что в этом доме есть духи. Я там была.

– В скобках: нет! – крикнул какой-то парень с галерки.

Девушка расправила плечи, готовая принять вызов.

– Я была там. Прошлым летом. Нашла дыру в ограде и дошла до дома. Открыла входную дверь. Вошла прямо внутрь. И я стояла там – я серьезно! – я стояла там и... и слышала вроде как стон. Вроде... вроде как женщине больно. Может, это был какой-то зверь. Но что-то мне говорило... что это не зверь.

– И что дальше было? – Это уже спросила другая девушка.

– Дальше я убралась оттуда на хрен, что же еще?

Аудитория взорвалась хохотом, в котором почти потонул звук мобильного Сэма. Он запустил руку в карман, выключил будильник и объявил:

– Конец лекции. Увидимся в пятницу.

По аудитории разнеслось эхо от множества нестройно шаркающих к выходу. У студентов ушло несколько минут на то, чтобы освободить помещение. И Сэм вновь остался один.

Он вернулся к кафедре, откинул крышку серебристой дорожной кружки и проглотил омерзительные остатки застоявшегося кофе.

– Мистер Мак-Гарвер?

Голос был низкий, с ирландским акцентом.

Сэм обернулся. У самого первого ряда стоял молодой мужчина: ему явно не было и тридцати. В узких черных брюках в тонкую полоску, белой рубашке с треугольным вырезом и темном кожаном пиджаке – пиджак отлично подходил к внимательным глазам диковинного лилово-карего оттенка. Шевелюра у незнакомца была роскошная – пышная, каштановая, волнистая, – но лицо казалось каким-то странным. Плоть словно бы слишком хорошо прилегалась к костям. «Как мягкая глина, – подумалось Сэму, – которую криминалист наносит на череп, реконструируя внешность человека». Стоявший перед ним человек производил пугающее впечатление собственной копии – достоверной, но все же неидеальной.

– Сэм Мак-Гарвер?

Сэм растерянно кивнул:

– Да.

Незнакомец ухмыльнулся и принял непринужденную позу, засунув руки в карманы.

– Что же вы, дружище, не ответили на мой имейл?

Дверь с тихим щелчком закрылась. Сэм повернулся к визитеру; они устроились в маленьком кабинете Сэма на втором этаже Уэско-холла, где располагалась кафедра английского языка.

Визитер представился Уэйнрайтом. Просто Уэйнрайтом. Без имени.

Имя и не требовалось. Сэм прекрасно понимал, кто перед ним.

– Рад с вами познакомиться, но вы здесь только зря потратите время.

– Так вы получили письмо? – спросил Уэйнрайт. Низкий голос не вязался с его молодежьей внешностью, словно принадлежал другому человеку, гораздо старше, прячущемуся в его теле.

Сэм уселся в потертое кожаное кресло перед заваленным бумагами столом:

– Ну да. Получил.

– И?

– И решил, что это какая-то глупость.

– Как так?

– Ну, я подумал, что это шутка.

– А зачем бы мне шутить о подобных вещах?

Сэм слегка покачал головой, но ничего не ответил. Ответа у него не было.

– Это не шутка, – заверил Уэйнрайт. – Я хочу, чтобы вы приняли участие в «Страхе в эфире».

– Вы хотите взять у меня интервью?

– Ну да, для сайта.

– За сто штук?

Уэйнрайт невозмутимо смотрел на Сэма, словно и впрямь не понимал причину его недомогания. В жестком свете флуоресцентных ламп его лицо выглядело еще более странным. Словно бы... несоразмерным. Глаза слишком широко расставлены. Брови – слишком прямые. Губы – слишком тонкие. И этот причудливый цвет радужек, будто обтянутых дубленой шкурой давно вымершего зверя. Уэйнрайт был одновременно потрясающе красив и вопиюще фальшив, как полицейский фоторобот или кинозвезда.

– Сто тысяч долларов за два полных дня.

– Это бред какой-то.

Уэйнрайт и бровью не повел.

– Зачем брать интервью два дня?

– Вы знаете мой сайт?

Сэм кивнул. *Я писатель. Я полдня прокрастинирую на просторах Интернета.*

– Тогда вы знаете, что у меня... думаю, можно назвать это *нетрадиционным* подходом к продвижению моего любимого жанра.

Уэйнрайт сложил в щепотку большие и указательные пальцы и развел руки в стороны, словно растягивая невидимую нить.

– Хоррор сейчас популярен как никогда раньше, так? Но до недавнего времени никому не удавалось придумать способ достучаться до интернет-аудитории вне фэндома. – Он рубанул руками воздух, обозначая пространство за пределами невидимой нити. – А я нашел возможность заинтересовать рядового любителя хоррора и даже завоевать внимание тех, кто никогда не проявлял интереса к этому жанру. И удалось мне это благодаря хоррор-*ивентам* на «Страхе в эфире». Поэтому сайт каждый месяц и посещает больше ста миллионов человек. Поэтому мы не просто крутейшая хоррор-платформа двадцать первого века – мы крутейшая *поп-культурная* платформа. Вот так-то.

– Да-да, я видел, что вы делаете.

– Посмотрели, значит? А самый последний проект видели? Премьеру «Подземки»? – Уэйнрайт не стал дожидаться ответа. Он подался вперед, будто собирался поделиться пикантной сплетней, а не описанием видео, набравшего больше пятидесяти миллионов просмотров. – Мы выдали это за обычный стрим: актеры и прочие киношники – режиссер, продюсеры, руководитель студии – едут в лондонской подземке, давшей фильму название, на премьеру на Лестер-сквер. А потом мы остановили поезд прямо посреди туннеля. Без предупреждения. Без объяснений. Вскоре во всех новостях передавали: «Актеры „Подземки“ застряли в подземке». Но стрим продолжался – это был единственный способ связаться с нашими беспомощными героями...

Уэйнрайт провел пальцем в воздухе прямую линию, изображающую протяженность эфира.

«Он обожает это шоу, – подумал Сэм. – Оно его заводит».

– Спустя полчаса аудитория стрима выросла с десяти тысяч до ста тысяч. И это еще до того, как чудовища полезли из темноты. – Уэйнрайт улыбнулся, но лишь уголками рта – больше ничего не шевельнулось на его резиновом лице. Даже в глазах не промелькнуло веселье. – Все, конечно, были в курсе происходящего. Киношники, руководство подземки, даже полиция. Поезд на самом деле стоял на неиспользуемой ветке. Никакой угрозы, что в него врежется другой поезд, не было. В тот вечер это была наша личная съемочная площадка. Журна-

листы это слопали и завалили нас звонками. Целый день #подземка была самым популярным хештегом. Мы устроили свою маленькую «Войну миров»⁴. В конце концов мы довезли нашу команду до кинотеатра в целости и сохранности – уловка сработала. На следующее утро у видео было уже больше миллиона просмотров. А к концу недели набралось десять миллионов. – Интернет-магнат поднялся с кресла и оперся руками о край стола. – Мы превратили обычную премьеру ничем не примечательного ужастика в уникальный перформанс, стирающий грани между реальностью и вымыслом. И этот перформанс, черт подери, затмил саму премьеру.

– Ну и что вы хотите? – сухо поинтересовался Сэм. – Посадить меня в вагон метро, чтобы люди смотрели, как я там печатаю?

Уэйнрайт аккуратно сел обратно в кресло. Повисла долгая пауза: он собирался с мыслями.

– Я создал «Страх в эфире» не только чтобы продвигать хоррор и фэнтези как таковые, но чтобы отдать должные почести произведениям, от которых, по моему мнению, все должны прийти в восторг. Фильмам. Сериалам. Музыка. Сайтам. Книгам. Я хочу покончить со стигматизацией хоррора и прочно вписать его в мейнстрим, чтобы весь мир увидел: нет ничего плохого в том, чтобы исследовать темную сторону, чтобы отдаваться неизведанному. И вот, поскольку надвигается Хэллоуин, я решил, что сейчас самое подходящее время напомнить людям, какой Сэм Мак-Гарвер обалденный. Напомнить им истории, заставившие миллионы читателей обделаться от ужаса. Дать им взглянуть одним глазком на писательскую кухню. И может быть, даже подразнить их вашим новым романом.

В комнате дома на другом конце города, на столе у панорамного окна, курсор на экране компьютера принялся мигать, мигать, мигать...

Сэм поморщился, ощутив, как сдавило грудь.

– Слушайте, Уэйнрайт, я действительно польщен. Честное слово. Это щедрое предложение.

– Вот именно, дружище. Так примите его.

– Просто сейчас мне необходимо сосредоточиться на новой книге. Давайте, наверное, потом, когда я закончу. Тогда уже похороните меня заживо и устройте стрим из гроба.

Тонкие губы Уэйнрайта плотно сжались. Он медленно кивнул – не соглашаясь с услышанным, а лишь признавая, что зашел в тупик.

Сэм ощутил внезапную потребность заполнить паузу.

– Просто неподходящее время. Прямо сейчас у меня трудный период.

– Вы заняты.

– Да.

– Пишете.

– Верно.

– И преподаете.

– Да, – ответил Сэм. Прозвучало это невыносимо фальшиво. Он и сам себе не верил.

Уэйнрайт поднялся с кресла, окинул взглядом голые обшарпанные стены кабинета восемь на восемь метров.

– Ну что ж... – Он протянул Сэму руку.

Сэм встал, ответил на рукопожатие:

– Спасибо за предложение, правда.

– Хм...

⁴ Уэйнрайт ссылается на состоявшуюся в 1938 году радиопостановку одноименного романа Герберта Уэллса, которую, как считается, многие слушатели приняли за настоящий репортаж о вторжении инопланетян.

Сэм попытался высвободить свою руку, но Уэйнрайт лишь сжал его ладонь крепче. Легонько крутанул и перевернул руку Сэма ладонью вверх, обнажив покрытое татуировками изувеченное предплечье. Лиловые искры в карих глазах Уэйнрайта как будто засияли ярче.

Он усмехнулся:

– Соглашайтесь. Для вас это всего лишь два дня жизни, а для ваших фанатов – волшебный билет, шанс увидеть любимого мэтра в *уникальной* обстановке.

– В какой обстановке? Что вы задумали? – спросил Сэм, но Уэйнрайт уже открывал дверь в коридор.

– У вас в почте мое письмо, – бросил он через плечо. – Когда передумаете – а вы передумаете, – просто ответьте на него. Об остальном мы позаботимся.

– Я совершенно не... – начал Сэм.

Он обращался к пустому проему.

Уэйнрайт исчез.

Глава 4

Четверг, 20 октября

Мор свирепо всхрипнула и рывком отжала штангу от груди. Вены на ее бицепсах вздулись. Пот струился по выбритым вискам к закрученным в хвост волосам. Руки горели, мокрая спина скользила на гладкой резине скамейки.

Медленно, аккуратно она опустила штангу. Почувствовала холодное прикосновение железа к голой коже над спортивным лифчиком. Снова рыкнула по-звериному и опять подняла штангу.

Правая рука задрожала, грозя согнуться.

– Твою мать, – прошипела Мор сквозь стиснутые зубы. И сжала штангу так, что пальцы побелели.

Штанга, звякнув, опустилась на стойку. Мор села. Подняла с пола полотенце. Обтерла пот с лица. Прислушалась к стуку сердца в груди – бам, бам, бам. Боль доставляла ей радость. В ней была и угроза смерти, и гарантия жизни. Бояться тут нечего. Мор знала, что наслаждение и боль берут исток в одной и той же области мозга. Доведенные до крайности, они становятся неотличимы друг от друга. Наслаждение болью. Боль наслаждения.

Сорвала с себя насквозь вымокший лифчик, распустила волосы и по коридорчику с арочным потолком прошла в подвальную ванную. Вывернула ручку душа, торчащую из стены, покрытой белой, как в метро, плиткой, выскользнула из спортивных шортов и секунду спустя ступила под струю воды. От пронзительного холода кожу защипало. Постепенно вода стала теплеть, пока наконец вокруг ее тела не закружились огромные облака пара.

Без каблучков росту в Мор было от силы метр семьдесят, но исходящая от нее энергия добавляла ей сантиметров пятнадцать. В свои тридцать восемь она обладала фигурой мраморной статуи. Четко очерченной, но не перекачанной. Сексуальной, но не похабной. Каждая линия, каждый изгиб имели свой смысл и назначение.

Крутанула ручку вправо, и поток воды иссяк. Теплые капли падали с хромированной головки душа ей на затылок, пока она вытиралась.

Заморачиваться с одеванием она не стала.

Голая, поднялась по винтовой лестнице на первый этаж своего дома в Голливуд-Хиллз, прошла через элегантную, со вкусом обставленную гостиную туда, где из пола, точно ребро механического божества, выросал металлический штатив на шарнирах. Открыла ноутбук, лежащий на полке из рифленой стали.

Следующие два часа Мор писала, подставив обнаженное тело поцелуям рассветного солнца. Это был ее языческий ритуал – писать голой, пока последние звезды покидают светящееся небо. Она почти не спала – три-четыре часа самое большее. Каждая секунда бодрствования была подчинена насущной необходимости: есть, пить, трахаться, заниматься спортом, работать. Ее разум походил на цепь хитроумно соединенных ловушек: стоило захлопнуться одной, другая уже была наготове.

Каждый день она старалась придерживаться строгого распорядка. Три часа писать, никаких перерывов, никаких исключений. Час на обед. После обеда писать еще минимум четыре часа. Большинство литераторов считали за счастье выдавать по десять страниц в сутки. Мор, когда ничто не нарушало ее графика, каждый день гарантированно добавляла к рукописи по двадцать страниц. Если она работала над сценарием, то в конце дня выходило не меньше тридцати. Она не страдала от писательского запора. Это удел слабых, недисциплинированных. Сочинение прозы казалось ей похожим на секс. Грубое, первобытное занятие. Имеющее одну

цель – доставить ей самой удовольствие. Читатели могут подпитываться ее силой... или убираться восвояси. Если читателям не по зубам те истории, что она предлагает, то такие читатели ей не нужны. Пусть себе сидят в уютных креслах и тешатся заплесневелой дрянью от Себастьяна Коула.

Пальцы Мор без усталости колотили по клавишам, будто капли дождя, словно темное облако разразилось мощным ливнем прямо в гостиной.

Сегодня был особый день. Сегодня она приступала к новому роману.

К черту «Надрез». К черту Гэри. К черту Таннера и Филипа. К черту киностудию, и юриста, и всех прочих жалких козлов, которые хотели ее нагнуть.

Она их всех обставит. Они уже не более чем размытые силуэты дорожных столбов в ее зеркале заднего вида.

Слова неслись по экрану, а в голове Мор сталкивались атомы зарождающейся истории.

Сюжет явился ей, как обычно, в виде внезапно вспыхнувшего видения. Видения картины в музейном зале. Как всегда, Мор принялась задавать вопросы.

Что особенного в этой картине?

Над ней работает женщина-реставратор.

Кто она?

Ее зовут Сид. Недавно она рассталась с парнем и теперь ищет утешения в работе. Она молодая, к тому же вся в пирсинге и татуировках, и поэтому коллеги не принимают ее всерьез. Однажды вечером, реставрируя картину, Сид обнаруживает кое-что непредвиденное.

Но что? Что она обнаруживает?

Что под картиной скрывается другая картина. Вроде бы простая реставрация принимает неожиданный оборот. Сид уже не восстанавливает изображение, а высвобождает. Вопреки воле куратора музея она начинает снимать верхний слой.

Что она находит?

Око. Око бога. Холодное и злое. А в нем письма на древнем языке, что давно считался забытым.

И что говорят письма?

Они говорят, что через страдания других Сид сможет избавиться наконец от своей боли.

Мор так погрузилась в эту новую историю, что от звонка мобильного дернулась, будто на электрическом стуле. Убрала пальцы с клавиатуры, отпрянула от ноутбука, связь распалась.

– Черт!

Сердце бешено стучало, было видно, как над обнаженной левой грудью пульсирует кровеносный сосуд. Она схватила телефон со стеклянного кофейного столика. Бросила взгляд на экран: там высветилось «Анайя Патель».

Мор медленно выдохнула. Раз уж ей помешали, хорошо, что это хотя бы Анайя.

Нажала на зеленую кнопку:

– Итак?

Ровный, невозмутимый голос ее агента ответил из мобильных глубин:

– Итак, я все еще считаю, что ты совершаешь ошибку.

Анайя родилась в Лос-Анджелесе, однако говорила с заметным акцентом, как и ее родители-индийцы.

– Я не об этом, Анайя.

На том конце раздался искаженный помехами вздох.

– Итак, мне не сообщили ничего такого, чего ты не знаешь, – сказала Анайя.

– Зачем вся эта долбаная конспирация?

– Затем, что это Уэйнрайт. Он любит играть в игры.

Мор внезапно стало неуютно. Она торопливо отогнала это чувство, как отгоняют назойливое насекомое.

– Это, в конце концов, просто интервью. Сели – встали, – сказала она.

В трубке повисла тишина – слышно было лишь потрескивание, когда сигнал перелетал от вышки к вышке.

– А вот об этом мне кое-что сообщили. Боюсь, «сели – встали» не получится, – наконец откликнулась Анайя. – Им нужно два дня и две ночи.

– Для интервью? – Мор склонила голову набок, прикрыла глаза. Черная грива упала ей на грудь. – Такое ощущение, что эти ребята хотят надо мной поприкалываться, Анайя. А ты знаешь, я не люблю, когда надо мной прикалываются.

– Тогда откажись.

Этого Анайя и хотела. После того как Мор сообщила об излишне показушном послании на двери, она стала звонить ей каждый день. Письмо прислали в тот самый вечер, когда Мор устроили подставу в стейк-хаусе в западном Голливуде, и этот факт лишь усиливал сомнения Анайи. Давать интервью было плохой идеей. Не следовало делать это сейчас. Сейчас следовало затаиться и планировать следующую атаку, то есть следующий бестселлер Ти-Кэй Мор.

Мор ничего не ответила, и Анайя смилостивилась:

– Или прими предложение. Но играть придется по правилам Уэйнрайта. А он трюкач. Не исключено, что дело тут нечисто.

Мор накрутила свои длинные волосы на запястье, словно боксер, готовящий руки к бою.

– Я хочу этого, – сказала она.

– Ладно, договорились, но послушай, Мор, интервью не повод для наезда на Гэри и киностудию.

– Это мое интервью, что захочу, то на хрен и скажу.

– А они тебя на хрен засудят. Пожалуйста, если Уэйнрайт будет гнуть эту линию, не ведись. Поговори про свое творчество. Поговори про книгу «Надрез». А про фильм «Надрез» говорить не надо, если только не хочешь обеспечить ему халявную рекламу.

Мор сжала кулак и с силой потянула себя за волосы:

– Мне надо работать.

– Мор...

Серебристый ноготь ткнул в красную кнопку, и Анайя исчезла.

Мор швырнула телефон на белый винтажный диван и вернулась к ноутбуку. Дом снова наполнился стуком клавиш.

Глава 5

Суббота, 29 октября

Вьюнки не желали сдавать свои позиции.

Похожие на щупальца зеленые стебли крепко оплели ворота, не давая открыть их.

Кэппи Ковак просунул руки в перчатках в ромбовидные ячейки сетки-рабицы и хорошо трянул ворота.

– Дик! – рявкнул он сыну через плечо. – Иди помоги мне с этой дрянью!

Тридцатишестидюймовый болторез впился в нижний угол ворот и выхватил кусок рабицы. Дик проворно резал сетку снизу вверх, ряд за рядом, вены набухли на его бугристых бицепсах. Дику было почти тридцать, у него уже намечалось пивное брюшко, но парень он был крепкий. Работящий. Ответственный. Настоящий мужик.

– Почти готово, – сообщил Дик тонким голосом.

Такого звука никак не ожидаешь от широкоплечей толстошей туши. Он свел ручки болтореза вместе, кусачки прогрызли последний ряд сетки.

Кэппи сомкнул свои короткие толстые пальцы на центральной секции ворот и снова потянул. Ворота уже отсоединили от окружавшего дом забора. Но они все равно не поддавались.

– Помоги мне повалить эту курву! – скомандовал он сыну.

Дик встал рядом с отцом и взялся за ворота. Вместе они потянули со всей силы. Вьюнки словно схватились крепче. Стебли сплелись, вцепились в ворота.

– Тяни! – рявкнул Кэппи.

Внезапно ворота поддались. Как будто все вьюнки отпустили их разом. Кэппи и Дик не успели уклониться. Оба рухнули на спину, а ворота восемь на шесть футов упали на них сверху.

– Матерь Божья, – выдохнул Кэппи.

– Извини, – только и сказал Дик.

Они осторожно откинули ворота в сторону и поднялись на ноги.

– Господи, – прошептал Дик.

Перед ними лежала гора вьюнков, еще пару секунд назад оплетающих ворота, никому не дававших подойти к дому на Кровавом ручье. За оградой раскинулось заросшее поле, острия травинки покачивались под мягким ветерком, словно пики войска, преграждающего им путь.

– Принести кусторез? – спросил Дик.

Кэппи едва его расслышал. Что-то в этом одичалом пространстве его настораживало. Ветер дул на восток, но высокая трава, казалось, клонилась в противоположном направлении. В ее колыбании улавливался рисунок, похожий на движение хвоста гремучей змеи.

Он потер лысину на затылке и хмыкнул. С тех пор как он последний раз прикладывался к спиртному, прошел уже добрый час. Кэппи буквально слышал, как фляжка взывает к нему из кармана куртки, умоляя осушить ее.

– Ага, тащи, – наконец сказал он.

С того места, где он стоял, за травой было видно лишь второй и третий этажи дома.

Кэппи шагнул в проем в ограде.

Что-то будто скользнуло прочь от его ноги. Он отскочил, ожидая увидеть крысу или, если совсем уж не повезет, мокасинового щитомордника.

Ничего. Лишь спутавшиеся стебли травы.

Ветер стих, и заросший двор вдруг улегся. Путь к крыльцу, представлявшийся непроходимым, оказался вполне свободным.

Как будто дом хотел, чтобы они вошли в него.

Дик запустил кусторез, заставив Кэппи подпрыгнуть чуть ли не на фут. «Да господи ты боже мой!» – заорал он, но Дик уже со всем усердием принялся за работу, и прочие звуки потонули в реве машины. Пока Кэппи стоял, парень успел смотаться за кусторезом к тачке.

Дик показал большой палец и продолжил расчищать двор, постепенно создавая в траве проход. В воздух летели пучки растительности. Дело требовало времени, но Дик явно собирался очистить большую часть того, что можно было назвать передним двором.

Задача была простая: сделать заброшенный дом пригодным для жизни на пару дней. Привести в порядок двор. Вычистить комнаты. Установить генератор.

Кэппи наблюдал за Диком. Тот добрался до крыльца. Выключил кусторез. Повернулся и помахал отцу.

Кэппи помахал в ответ. Пора было приниматься за работу.

Кэппи смотрел, как последние солнечные лучи отражаются в окне третьего этажа. Он открутил крышку стальной фляжки, рот уже наполнился слюной в предвкушении долгожданного глотка. Окно походило на глядящий куда-то за горизонт немигающий глаз циклопа.

– Не пялся на солнце, малой, а то ослепнешь, – сказал Кэппи самому себе и добавил: – Есть куча способов ослепнуть. Веселых в том числе.

Он разразился скрипучим смехом, который быстро перешел в кашель. Глубоко в груди заколыхалась мокрота.

Позади, на свежерасчищенной подъездной дорожке, стоял старенький побитый пикап. Свежая краска на дверях не сочеталась с ржавчиной, охватившей автомобиль от эмблемы на капоте до буксирного крюка. *Kovak amp;Son* – гласила надпись краской. Без особых понтов. Просто трафаретные буквы. Простые, незатейливые.

Из-за дома долетело еле слышное «Черт!», и Кэппи усмехнулся. Это Дик. Кэппи представил, как сын, пытая и ругаясь, всем весом налегает на упрямый гвоздь в оконной раме. Он не уставал поражаться тому, как часто Дик, сын профессионального разнорабочего, жалуется на то, чем приходится заниматься. Может, надо было быть с пацаном строже. Может, следовало иногда лупить его, пока был мелким. Задать ремня как следует. Воспитать характер. Как делал батяня Кэппи. Воспитание на ферме – оно такое. Разноешься, слово поперек батянке скажешь – хлоп! – и кожа от ремня как огнем горит.

Ох, да что это нашло такое? Дик – парень славный. Вкалывает изо всех сил. Старается. Большого и желать нельзя. Кэппи потряс флягу.

– Ну, разве еще чулка побольше бухла можно было бы пожелать, – пробормотал он и снова зашелся лающим смехом.

Прикрутил крышку обратно и отправил флягу во внутренний карман фланелевой куртки. Поежился. Как-то вдруг его приморозило – странно приморозило. Холод будто прокрался под одежду и ползал по телу. Он отступил на пару шагов назад, запрокинул голову, чтобы рассмотреть дом целиком. Тот нависал над ним, треугольная крыша вонзалась в затянутое лиловыми облаками вечернее небо, напоминая клык. Белая краска слезала с ветхих деревянных стен, словно дом сбрасывал кожу. У его основания буйно разрослись сорняки, тут и там они проникли под кирпичный фундамент. Однако за все те годы, что дом стоял брошенный, неухоженный, стекла нигде даже не треснули. Целее целого – каждый день в них отражалось солнце.

Дом тревожил Кэппи. Он толком не мог объяснить почему. Суевериями он не страдал. В Бога не верил. Но истории об этом месте слышал. И теперь вот увидел дом своими глазами, и тот казался... как бы это сказать? *Коварным*. Именно. Будь Кэппи по пьянее, он поклялся бы, что дом ждет чего-то, затаившись посреди прерии.

Кэппи досадливо встряхнулся. Посмотрел на часы. Без четверти шесть.

– Эй, Дик! – позвал он. – Заканчивай давай и погнали домой. Твоя маманя скоро ужин на стол поставит.

Ответа не последовало. Не было слышно и сердитого скрежета гвоздей, выдираемых из дерева. И даже ни единого бранного слова.

– Дик! – снова позвал Кэппи.

Тишина.

Из дубовой рощи неподалеку вдруг вылетела стая черных птиц. Описала над деревьями круг и скрылась в сумерках. Кэппи сделал пару неохотных шагов к дому.

Прямо за входной дверью кто-то хихикнул. Но это не мог быть Дик. Хихикнул будто бы маленький ребенок, но в то же время со значением, как взрослый.

Кэппи остановился в паре футов от крыльца. Наклонил голову, прислушался, но из-за закрытой двери не раздалось больше ни звука. Кэппи осторожно поднялся по кривым ступеням на опоясывающую дом веранду. Иссохшее дерево стонало под его весом. Он медленно приблизился к двери, глухо стуча рабочими ботинками, – под потолком веранды шаги отдавались эхом.

Толстые, шипастые зеленые плети снизу доверху оплели дверь и обвилились вокруг ручки. Их надо было бы убрать несколько часов назад, но ни Кэппи, ни Дик не торопились подниматься на крыльцо. Кэппи оборвал растительность с двери. Потянулся к потускневшей латунной ручке – и замер. В доме что-то шевельнулось. Он услышал дрожащий вздох. Что бы там ни скрывалось, это «что-то» было охвачено волнением. Ему не терпелось, чтобы Кэппи вошел.

– Эй? – Кэппи уловил в собственном голосе страх.

Коснулся ручки пальцами и снова замер.

В памяти вспыхнул образ – наследие бессчетных вечеров, проведенных перед телевизором: Бетт Дэвис из фильма «Что случилось с Бэби Джейн?». Лицо старой ведьмы, густо намазавшей себя белым гримом в омерзительной попытке стать похожей на девочку-куколку. Кричащиеся в усмешке черные губы, а над ними – широко распахнутые глаза.

Кэппи не хотел открывать дверь. Конечно, Дик мог забраться в дом через черный ход, чтобы разыграть папашу. Но что-то в глубине души – лежащее глубже любви к жене и сыну, даже глубже страха, что надрывной кашель может быть первым признаком рака, – что-то в самой сердцевине его естества требовало не открывать дверь.

Однако Кэппи открыл. Он мягко толкнул дверь, и она медленно подалась на древних петлях, распахнулась внутрь.

В глубине дома раздалась торопливые удаляющиеся шаги.

Даже в полутьме Кэппи видел, что за дверью никого нет.

Кэппи позволил себе вздох облегчения. Он как раз взялся за ручку, собираясь закрыть дверь и пойти поискать Дика с другой стороны дома, когда мимо внезапно пронесся, дико свистнув в передней, порыв ветра. Кэппи оглянулся через плечо: сильный ветер никак не затронул мир за пределами дома. А в дверном проеме он разбушевался, свист перешел в вой. Кэппи чувствовал, как что-то давит ему в спину, как невидимая рука толкает его вперед, понуждает войти в дом. Он отважился сделать полшага, покрепче упершись ногой в пол, чтобы выстоять в призрачном урагане.

И тут ветер умчался так же стремительно, как и примчался, – взвился вверх по лестнице и пропал. Мгновение спустя в доме вновь царил тишина.

– Пап?

Кэппи вскрикнул и резко повернулся.

Сзади стоял Дик, с молотком в одной руке и ключами от машины – в другой.

– Поехали?

Кэппи пронесся мимо сына, слетел с крыльца, прыгая через две ступеньки.

– Я уже минут двадцать как готов ехать, – огрызнулся он, надеясь, что Дик не станет спрашивать, какого черта он вдруг так расскакался.

– Но а остальное как же? А генератор?

– С остальным завтра разберемся, – отрезал Кэппи.

Черта с два, подумал Кэппи, завтра он пошлет сюда с Диком кого-нибудь из магазина: Рики, может быть, или Клейтона. Сам он сюда не вернется.

Пикап завелся со второй попытки, и вскоре Дик уже вел машину по извилистой грунтовке к шоссе К-10. Мамаля Дика, наверное, и вправду уже поставила ужин на стол, но Кэппи не собирался посвящать этот вечер семейным посиделкам. Он хотел одного: добраться до бара на Шестой улице и ужраться в хлам.

Он не сможет рассказать парням в баре, что пережил. Даже Дику рассказать не сможет. Они подумают, что он бредит. А это *и вправду* бред. Но там, на пороге, Кэппи был готов поклясться, что дом вздохнул.

Глава 6

Воскресенье, 30 октября

Из люка на потолке в полутемную комнату падал луч света. Посередине комнаты стояла деревянная скамья.

Мор прислушалась к звуку своих тихих шагов, эхом отдающихся в бетонных стенах и дальних коридорах. Здесь были и другие люди, они двигались медленно, поглощенные молчаливым созерцанием, но Мор не обращала на них внимания. Она пришла сюда не за вдохновением, как многие другие, а для того, чтобы отключиться, повернуть тумблер в голове и просто... быть.

Сейчас это требовалось ей сильнее, чем когда-либо.

Прогони мысли. Просто существуй. Плыви сквозь пространство. Обратись в ничто.

Центр Гетти появился в Лос-Анджелесе не так давно: он открыл свои двери для посетителей в 1997-м. Пожалуй, именно это в нем больше всего нравилось Мор по сравнению с прочими художественными музеями – у Центра Гетти не было своей истории. Он притворялся таким же древним и почтенным, как экспонаты, выставленные в его стенах. Старая душа в новой оболочке. Здание полагало, что окажет искусству честь, оберегая его, демонстрируя его людям. Оболочка пригласила душу к себе. Однажды оболочка рассыплется, и душа найдет себе новое вместилище.

Душа-паразит.

Мор смотрела, как темные фигуры скользят вдоль стен, уделяя каждому шедевру по тридцать секунд.

Люди-тени. Для Мор они были пустым местом.

Она, как обычно, устроилась на скамье под световым люком и устремила взгляд на свою самую любимую картину в этом музее. Артемизия Джентилески написала «Юдифь, обезглавливающую Олоферна» в начале XVII века. Служанка прижимает злодея Олоферна к постели, пока Юдифь вонзает лезвие меча ему в горло. Он сопротивляется, руки его в отчаянии упираются в подбородок служанки, но та держит крепко. Какой же ужас он, наверное, ощутил, когда пробудился и понял, что его голову отделяют от тела. Какое бессилие. Какую беспомощность.

Мор прищурилась и всмотрелась в крошечную тьму между служанкой и Олоферном. Совсем не выражение холодного расчета на лицах женщин-убийц возбуждало ее, а эта бездна между двумя борющимися телами. Промежуток, обозначающий мощь женщины сверху, ничтожество мужчины снизу. Мор чувствовала здесь столкновение сил: он отталкивает ее, она удерживает его.

Пересечение наслаждения и боли.

Тьма словно разрасталась перед ней, как космическая черная дыра, затягивала ее в себя, заполняла собой все. Тьма хотела заполучить Мор. Чтобы познать ее. Чтобы поглотить ее.

К Мор подошел мужчина лет пятидесяти с небольшим, прядь волос нелепо зачесана поперек лысины.

– Ти-Кэй Мор? – спросил он, даже не пытаясь скрыть раздражения.

– Да?

– Пэтти попросила сводить вас в запасник, – фыркнул мужчина.

Мор растянула губы, уголки рта почти врезались в скулы. Так могла бы улыбаться змея.

– Ведите, – сказала она.

Мужчина представился Чедом. Без фамилии. Без должности. Мор заключила, что это «шестерка», которую послали присмотреть за работающим в музее писателем. Исходящее от Чеда ядовитое презрение лишь подтверждало эту версию.

Помещение, куда Чед привел Мор, оказалось, вопреки ее ожиданиям, не зловещим подвалом, а светлым научным кабинетом с длинными металлическими столами и мониторами. Они миновали нескольких мужчин и женщин в лабораторных халатах, те проводили Мор любопытными взглядами, кое-кто радушно улыбнулся. Мор шла, глядя прямо перед собой.

– У нас тут две картины импрессионистов на реставрации, если вам вдруг будет интересно, – заметил Чед.

– Я что, похожа на гребаную шестиклассницу, которая пришла с классом посмотреть на кувшинки? – спросила Мор.

Чед бросил на нее взгляд и сощурился:

– Нет, не похожи.

В дальнем конце кабинета один деревянный стол был поставлен перпендикулярно остальным. Его освещала яркая светодиодная лампа на длинном металлическом штативе. А под лампой в мягком белом сиянии лежала на пластиковой подложке глиняная табличка. На ней были грубо выдавлены фигуры: рычащий лев, однорогий козел, летящее насекомое с человеческой головой.

Рядом, прислонившись спиной к стене, стоял охранник в отутюженных черных брюках и белой рубашке. Он краем глаза следил за Мор. Та шагнула к табличке.

Чед предостерегающе вытянул руку, не давая ей идти дальше:

– Смотреть можно отсюда.

– Расслабьтесь, – отрезала Мор. – Я не собираюсь лизать эту хрень.

Она пробежала взглядом по фигурам. В дальнем правом углу была изображена женщина в длинном одеянии с затейливым узором по краю. На голове у нее красовалось нечто вроде украшенной цветами квадратной короны. На затылке лежала закрученная коса. Единственный видимый наблюдателю глаз был широко раскрыт и глядел многозначительно.

Чед кивнул на фигуру:

– Это Кубаба. Она была шумерской царицей...

– Чед, я некоторым образом тороплюсь, – перебила Мор, – так что давайте опустим урок истории.

– Я просто подумал, вы захотите узнать...

– О единственной женщине в Шумерском царском списке? Представительнице Третьей династии Киша? Хозяйке трактира, затем ставшей одной из самых могущественных женщин в мире, а позже – месопотамской богиней, которой во втором веке было посвящено множество культов? Как вам мои познания?

Чед нахмурился. Что-то из сказанного Мор он определенно слышал впервые и теперь боролся с желанием обвинить ее в ошибке. В конце концов он просто осведомился:

– А с чем конкретно мы вам здесь помогаем, мисс Мор?

– Со сбором информации, – пояснила она. – Для книги. Не волнуйтесь, я тут не задержусь. Мне нужно уезжать из города.

– И почему эта табличка так важна для вашей... *книги*?

Слово «книги» Чед произнес так, словно поверить не мог, что стоявшая перед ним женщина способна произвести нечто подобное.

– Я хотела заглянуть в ее глаз, – сказала Мор.

– В ее глаз?

Не обращая внимания на охранника, Мор наклонилась к табличке. И заглянула в глаз Кубабы.

«Сколько царей она повидала за свою жизнь? – подумала Мор. – Сколько мужчин пытались оспорить ее власть? Сколько хеттов заглядывали в этот глаз так же, как я сейчас, и пытались обрести ее силу через ритуалы, которые придумали сами? Скольким это удалось?»

Чед кашлянул.

– Вы можете идти, Чед. Тут же охранник стоит. Если я попытаюсь утащить вашу табличку, он шибанет меня электрошокером.

Чед не стал долго раздумывать. Досадливо фыркнув, повернулся и ушел. Застыв над табличкой, Мор впитывала каждую деталь изображения шумерской царицы. А потом начала воображать темное волшебство, способное превратить воодушевляющую силу этой женщины в нечто разрушительное. Нечто отравляющее. Нечто порабощающее.

Двадцать минут Мор стояла не шевелясь. Потом резко развернулась на каблуках и пошла прочь из запасника, навстречу яркому солнцу позднего утра.

Ей нужно было на самолет.

Глава 7

Где-то он слышал, что вождение машины сродни трансу.

Шуршание шин. Приятное осознание того, что мышечная память работает отлично. Мысли начинают блуждать, и двадцать минут спустя ты уже не можешь вспомнить, где проезжал и включил ли поворотник, когда перестраивался в другой ряд.

Огонь.

Запах горящей плоти.

Рядом брат, маленький Сэм прижимает к груди свою обоженную руку и, рыдая, утыкается в его рукав.

Стоп. Стоп, стоп, стоп.

Сэм встряхнул головой, прогоняя эти мысли.

Нельзя выпадать из реальности.

Надо собраться.

Машину внезапно тряхнуло – правое переднее колесо с глухим стуком угодило в выбоину, – и в кровоток Сэма хлынул адреналин. Отлично. Теперь он точно проснулся – в голове прояснилось. На заднем сиденье «ауди» лежала спортивная сумка, неловко набитая кое-как собранной одеждой на два дня. Некая Кейт из «Страха в эфире» сообщила Илаю, что интервью может превратиться в беседу грандиозных масштабов, или, как назвала это Кейт (как предполагал Илай, с самым невозмутимым видом), в *vip-откровение*.

Сэм начинал понимать, в чем тут дело. Абсурдное вознаграждение, никаких деталей. Такова стратегия Уэйнрайта. Держать тебя в неведении. Менять правила на ходу. Уклоняться от честного ответа.

Хорошо же. Если бывший дублинский тусовщик хочет провести лишний денек в компании автора ужасиков со Среднего Запада, то он готов подыграть. А чем еще ему заняться? Сидеть дома в одиночестве и *не* писать новый роман?

Сэм выехал на 14-ю улицу, свернул на Бродвей, миновал Конференц-центр, круто забрал вправо и оказался на узкой 10-й улице. Кое-где здесь провели реновацию, но по большей части вдоль дороги стояли те же низкие краснокирпичные строения, что и десятилетия назад.

Справа меж многоквартирников и офисных зданий громоздились корешки классических романов: «Уловка-22», «451 градус по Фаренгейту», «Властелин колец», «Убить пересмешника». Это был фасад Центральной библиотеки, сделанный в виде длинного ряда старых книг, высотой в три этажа.

Здесь Уэйнрайт и предложил встретиться; интервью должно было начаться с того, что Сэм Мак-Гарвер войдет внутрь гигантской книжной полки.

То, что Сэм не помнил толком, как добрался из Лоуренса в Канзас-Сити, уже не имело значения. Он здесь.

Пути назад нет.

Библиотека была пуста. И безмолвна.

Шаги Сэма эхом отдавались от мраморного пола главного вестибюля. Вечер только начинался, но в библиотеке было на удивление темно.

– Есть кто-нибудь? – позвал Сэм. Голос потонул в сводчатом пространстве здания.

Сэм огляделся. Никто его не встречал. Нигде не было видно ни других посетителей, ни даже охранника.

Никого.

Прямо перед собой он увидел подсвеченную лампами деревянную дверь и толкнул створки. Щелчок задвижки прозвучал, точно выстрел в пещере.

Сэм оказался в каком-то большом зале. Высокие белые колонны уходили под потолок, в сумрак. А между колоннами были книги. Полки, битком набитые книгами. Вдоль стен бесхитростной ровной линией протянулся литературный горизонт, раскинулся печатный город в миниатюре.

Плотные бордовые шторы закрывали огромные, от пола до потолка, окна с двух сторон зала, в громадном помещении царил темнота. С расчетом подобранные светильники озаряли мягким белым светом каждую полку: там стояли вперемешку книги в мягких и твердых обложках. Светильники размечали зал, словно место доисторического захоронения.

Сэм остановился:

– Какого черта...

В центре зала располагался длинный деревянный стол, на нем тоже были книги. Множество книг. Кое-где высокие стопки обвалились. Несколько ламп были направлены прямо на эти стопки, и в их лучах стол походил на подсвеченные руины загадочного небоскреба.

Только тут Сэм осознал, что из невидимых динамиков льется тихая музыка, причудливый индустриальный эмбиент со смутно угадываемым хип-хоп-ритмом.

Он двинулся вперед, подошел к книжным башням.

Там были дешевые издания. Подозрительно тонкие. Заголовок и имя автора еле уместались на корешках. Рисунки на обложках были наивные. Мультишные. Как в популярных комиксах-ужастиках *Entertaining Comics* пятидесятих годов, только без их подспудного очарования. Заголовки были напечатаны здоровенным «страшным» шрифтом, больше подходящим для хэллоуинских украшений. Каждый заголовок содержал идиотскую остроту, а романы представляли собой серию историй о проклятой школе: «А голову я дома забыл», «Лес отрубленных рук», «Звонок для мучителя», «Упырь с соседней парты». Серия называлась «Ужас возвращается» и явно предназначалась для подростков, жаждущих дурацких страшилок, сдобренных неуклюжей моралью. Даже имя автора звучало дурной шуткой – Дэниел Манниак. Сэм взял книгу с верха стопки и слегка помял – та легко согнулась в руках. О многослойном нарративе тут и речи не шло. Это был фастфуд. *И, объевшись этими книжками, можно легко испортить себе здоровье.*

Совсем сбитый с толку, Сэм положил книгу на место и отступил из света в темноту. Он начал понимать, что представляло собой это помещение: временный музей, каждая книжная башня – экспонат. Но зачем? Какой в этом смысл?

Ботинки Сэма тихо зашуршали по мрамору – он перешел к другой стопке. Снова взял книгу сверху. Как и у Манниака, здесь все было ясно по обложке, но на этом сходство заканчивалось. На искусственно состаренной фотографии с затемненными виньеткой краями была запечатлена нижняя часть тела женщины, яростно прижимающей к своей промежности голову мужчины. Приглядевшись, Сэм заметил, что голова у мужчины грубо отрезана, а женщина сжимает опасную бритву. Имя автора было словно выцарапано на обложке складным ножом, зажатым в трясущейся руке, но Сэм и так знал, кому принадлежит этот агрессивно-эротический хоррор.

Ти-Кэй Мор.

Сэм оглядел стол – теперь он различал явственные признаки авторства Манниака и Мор и на других книгах. Стопки были неровными, их странные изгибы напоминали искривленные позвоночники.

Что это? Музей современного хоррора? Декорации для интервью? А если так, то почему здесь столько книг других авторов и нет?...

Он застыл на месте.

На столе лежала гора его книг. В твердых обложках. В мягких. На английском. На французском. На испанском. Четыре его романа, умноженные разным форматом и разными языками; его творчество, представленное более изобильным, чем на самом деле.

И все же это была дань уважения, как и книжные башни Дэниела Манниака и Ти-Кэй Мор.

– Эй? – снова крикнул Сэм в темноту. – Есть тут кто-нибудь?

Ответа не последовало.

Сэм раздраженно вздохнул. Он не любил играть в игры.

За его спиной резко щелкнули, раскрываясь, двери.

На пороге появилась женщина в обтягивающих черных джинсах, узкой футболке, местами разрезанной так, что виднелось тело, и темных очках в массивной черной оправе. Волосы цвета оникса прикрывали выбритый висок и чернильным потоком струились по плечу.

Сэм внезапно понял, кто перед ним, имя словно пропечатали в его сознании. Сэм никогда не встречал эту женщину, но узнал ее, как только увидел. К тому же он только что держал в руках одну из ее книг.

Ти-Кэй Мор склонила голову набок, ошарашенная не меньше Сэма:

– Вы... Сэм Мак-Гарвер?

Сэм стоял в ступоре.

Постукивая каблуками, Мор твердой, уверенной походкой прошествовала по залу. На мгновение растворилась в темноте, потом снова появилась в луче светильника. Она была потрясающе красива: точеные черты лица, упругое тело, словно целиком состоящее из одной напряженной мышцы.

Несмотря на крайне скудное освещение, темных очков Мор не сняла.

– Какого черта здесь происходит? – громко и возмущенно осведомилась она. – Где Уэйнрайт?

Сэм пожал плечами:

– Не знаю. – Он кивнул на стопки книг Мор: – Но думаю, это для вас.

Она повернулась, взглянула на книги сначала безо всякого интереса, но затем принялась рассматривать корешки, и на лице ее появилось удивленное, растерянное выражение. Наконец она стянула с лица очки – те так и остались болтаться в ее руке. Другой рукой Мор взяла из стопки книгу в мягкой обложке, провела серебристым ногтем большого пальца по своему имени.

– Что... что это такое? – спросила она, обращаясь больше к окружающему пространству, чем к Сэму.

– Я надеялся, что вы знаете.

Крепко зажав в руке свою книгу, Мор стала рассматривать другие стопки, узнала романы Сэма. Повернулась к нему, и даже в полутьме Сэм разглядел знаменитый значок, черной каплей протекший в радужку.

– Вас тоже позвал Уэйнрайт? *Вас?*

– Неужели так трудно поверить, что он мог мною заинтересоваться?

– Он, полагаю, мог. Но его аудитория... – Мор пожала плечами. – Хотя, возможно, «Страх в эфире» зауряднее, чем я думала.

Оскорбленный Сэм напрягся.

– Я предпочитаю слово «мейнстрим», – заявил он.

– Не сомневаюсь, – отозвалась Мор.

Скрип теннисных туфель заставил обоих вздрогнуть. Мор всхрипнула, как рассерженный бык. Она не любила, когда ее пугали.

В дверной проем вплыла, заполнив его целиком, громадная фигура: шарообразное туловище на ногах-тумбах. Грудь новоприбывшего ходила ходуном: он пытался скрыть чудовищную одышку. Человек явно спешил, чтобы попасть сюда, а комплекция его к спешке не располагала.

– Это я правильно на интервью пришел? – осведомился он запыхавшимся, но бодрым голосом.

– Чудеса продолжаются, – проворчала Мор.

Сэм узнал Дэниела Манниака сразу. На заре своего писательства он пару раз видел его на хоррор-конвентах, но никогда с ним не разговаривал.

«Более неловкой обстановки для неформального знакомства и не придумаешь», – мелькнуло в голове.

Ясноглазый, розовощекий, улыбчивый бодрячок на четвертом десятке, одет Манниак был консервативно: коричневые брюки, голубая рубашка поло и синий блейзер. На толстой шее висела тонкая золотая цепочка с маленьким крестиком, а на безымянном пальце левой руки сверкало простенькое обручальное кольцо, словно сосиску перетянули золотой ниточкой.

Он разглядел Сэма и Мор, и его радостная улыбка начала таять.

– Я не туда попал? – невинно поинтересовался писатель. – Я должен был встретиться с неким Уэйнрайтом.

– Господи, нет, – выдавила из себя Мор. Она запустила руку в кожаную сумочку, свисавшую с ее плеча на черной ленте, и вытащила мобильный. – Это просто...

Она не потрудилась закончить мысль – уже неслась прочь из зала, набирая номер, лицо ее озарял бледный свет экрана.

Манниак повернулся к Сэму:

– Я не понимаю.

– А я, кажется, начинаю понимать, – ответил Сэм.

И растолковал Манниаку то, что до него дошло несколько секунд назад: это подстава. Каждый из них решил, что будет единственным интервьюируемым, а славные сотрудники «Страха в эфире» не потрудились предупредить, что все совсем не так. Сэм и Манниак уточнять ничего не стали: им и в голову не пришло, что на интервью может оказаться кто-то еще. И, судя по тому, как бешено Мор материлась в свой телефон, ей это тоже не пришло в голову.

– Значит, интервью групповое? – спросил Манниак, натягивая рубашку на выпирающий живот.

Сэм кивнул:

– Да, похоже на то.

– И мы будем втроем?

Сэм нахмурился. Он не подумал, что их может оказаться больше.

Перевел взгляд с румяного толстяка на книжные стопки, высящиеся на полу, точно бумажные сталагмиты. В арке рядом со столом таких стопок было штук двадцать, и это помимо того, что лежало на столе. Найдя свои романы, Сэм не стал осматривать другие книги.

Он подошел к ближайшей стопке – Ти-Кэй Мор. К следующей – Дэниел Манниак. Дальше – Ти-Кэй Мор. Книги в четвертой стопке Сэм узнал сразу – автором был он.

– Что вы делаете? – поинтересовался Манниак.

Сэм не стал утруждать себя ответом. Он двигался вдоль стопок все быстрее и быстрее. Там были книги на разных языках. Манниак на испанском. Мор на японском. Мак-Гарвер на французском. Манниак на немецком. Сэм осмотрел уже половину арки, и пока авторов оставалось трое. Возможно, других и нет. Возможно, все, кого пригласил Уэйнрайт, уже здесь.

Через зал проплыло отделенное от тела лицо Мор, озаренное светом телефона. Она ткнула в экран, заканчивая звонок. Посмотрела на Сэма, обследующего другую сторону арки.

– Я ухожу, – объявила она.

Манниак, хоть и не успел с ней даже толком поздороваться, изобразил на лице искреннее сожаление. А Сэм и бровью не повел.

– Вы двое можете отсасывать у Уэйнрайта хоть до утра, мне плевать, – продолжала Мор, – но я не для того летела на самолете, чтобы...

Сэм не слушал. Он не отрываясь смотрел на гигантскую стопку книг на дальнем краю стола. Чьих-то еще книг.

Кого-то не хватает.

Гора книг занимала почти всю ширину стола: издания в твердых обложках и в мягких, все обложки разные, книги не повторялись. Это были детища чрезвычайно плодовитого автора.

– Здесь есть четвертый писатель.

– Тем более мне пора, – сказала Мор. – Хорошо вам повеселиться, ребята.

Она развернулась на каблуках и направилась к дверям, что вели в вестибюль.

– А чьи там книги? – с простодушным любопытством спросил Сэма Манниак.

Сэм заметил это слово на корешке еще до того, как взял книгу в руки.

...тень

Не может такого быть, чтобы Уэйнрайт его пригласил... Это невысказано. Это наверняка очередной фокус, манипуляция.

Рука Сэма дрожала от мучительной смеси радости и тревоги. Он поднес к глазам книгу, которую так быстро распознал.

«Едва заметная тень».

Мор была в нескольких шагах от двери, когда одна из створок медленно открылась.

Перед ней стоял старичок в безупречно скроенном сером костюме, белой рубашке и темно-красном галстуке.

Его чисто выбритое лицо задубело от долгого пребывания под солнцем, высокий лоб покрывали печеночные пятна. Седые волосы были аккуратно зачесаны набок. Увидев Мор, старичок улыбнулся, морщинки разбежались от ясных серых глаз.

– Прошу прощения, – произнес он голосом хрустким, как белье, сохнущее на весеннем воздухе.

Мор не нужно было объяснять, кто перед ней. А старичок меж тем уже прошаркал в зал, уже протянул ей тощую руку.

Она знала, кто он. Все его знали.

– Себастьян Коул, – сказал он. – Рад с вами познакомиться.

Когда Сэму было одиннадцать, отец взял его с собой в маленький ломбард, расположенный во втором квартале Ореховой улицы, в том месте, которое в их микроскопическом Блэнтонвилле гордо именовали центром. На пластиковой вывеске над входом значилось имя владельца: «Ломбард и ссудная касса Красного Робби». Одинокая лампочка внутри вывески сердито жужжала и периодически принималась мигать, предупреждая, что скоро присоединится к своей усопшей сестрице в электрическом раю.

Робби пил по-черному, что объясняло и его фирменный красный нос-луковицу, весь в лопнувших кровяных сосудах, и раннее время закрытия лавочки – четыре часа дня. Так уж совпало, что именно в четыре начинался скидочный «счастливый час» в «Брик Хаус». Настолько Сэму было известно, никто и никогда не пользовался услугами Робби по части ссуд, что невольно придавало иронии объявлению «У нас не бывает недовольных заемщиков». Но вещи в ломбард носили многие горожане. Обшарпанные металлические полки и заляпаные стеклянные витрины наполнились лежащими в совершенном беспорядке всевозможного рода подержанными диковинками.

Отец Сэма, худощавый, робкий человек, говоривший еле слышным тонким голосом, подошел к прилавку и спросил у Красного Робби, не найдется ли у того тостера за десять баксов или дешевле. Прошло уже два года после пожара. Они так и жили во «временной» квартире в Уэст Хук. Сэм, Джек и отец ютились в двух дешевых комнатухах, хотя Джек там почти не появлялся. Он почти всегда ночевал у своей девушки Кристал. Мать у Кристал была добрая, любящая, заботливая; у Сэма с Джеком такой матери не было никогда.

Пока отец торговался с Робби насчет тостера, Сэм бродил по ломбарду и восхищенно глазел на сокровища, которые большинство людей назвали бы мусором. Его левая рука до сих пор была замотана марлей, как у мумии, хотя нужды в этом уже не было. Пересаженная кожа прижилась, превратилась в жесткую крапчатую броню рубцовой ткани, но Сэм не готов был показывать ее людям. Когда они вошли в ломбард, Сэм не стал здороваться, а отец печально улыбнулся Робби уголками рта, мол, извини. Большинство горожан знали, что паренек не разговорчив. Какие уж тут разговоры? После того, что стряслось...

Когда они с отцом были в ломбарде последний раз, Сэм отыскал там сюрикэн-звездочку, и отец разрешил ее купить – при условии, что Сэм заплатит из своих денег и пообещает не кидать сюрикэн в бездомных кошек. Сэм надеялся найти еще какое-нибудь оружие: может, метательный кинжал или нож-бабочку. Несмотря на горе, нависавшее над ним постоянно, точно грозовое облако, он оставался мальчишкой, для которого нет большей радости, чем швырнуть в дерево что-то острое, чтоб воткнулось. Но в тот уже клонящийся к вечеру июльский день Сэм нашел не нож, а книгу.

Она лежала третьей сверху в стопке разрозненных дешевых изданий, под «Определителем съедобных грибов» и низкопробным любовным романом: у мужчины на обложке рубашка, похоже, держалась на одной пуговице (разумеется, на самой нижней). Название третьей книги сразу же заинтриговало Сэма, хоть он и не смог бы объяснить почему. Оно рождало в сознании образ, простой, но в то же время пугающий: темный человекообразный силуэт, длинный и тонкий, казалось, пальцы его вытянутой руки уже в какой-то паре дюймов от ботинка Сэма.

Книга называлась «Едва заметная тень».

Автора звали Себастьян Коул.

Едва прочитав первый абзац – облепив карман на пятьдесят центов и устроившись в кабине отцовского «доджа», – Сэм понял, что эта книга стоит тысячи сюрикэнов. За каждым словом нужно было охотиться, и Сэм отправился на охоту – прочь от воспоминаний об огне, прочь от немислимых способов облегчения своих страданий, способов, о которых не должен размышлять ни один ребенок, и, наконец, прочь от крохотного Блэнтонвилля в поисках лучшей доли. Он гнался за словами Себастьяна Коула следующие тридцать лет, сперва подражая ему, потом отвергая его, а потом и чувствуя его своими собственными романами.

Себастьян Коул был главным учителем Сэма в литературе. И спасителем в жизни. И вот теперь он шел прямо к нему, и с каждым его изящным шагом Сэм возвращался в реальность.

– Сдается мне, мистер Уэйнрайт решил закатить вечеринку.

Слова Коула разнеслись по темному залу, словно наканифоленным смычком тронули струны идеально настроенного инструмента.

«Именно такой голос слышишь перед своим рождением, – подумал Сэм. – Именно такой голос говорит тебе: „Подвизайся добрым подвигом веры“, перед тем как тебя вышвырнут в безжалостный мир».

– Я...

– Мы знаем, кто вы, – сказал Сэм и немедленно возненавидел себя за столь неуместный пафос.

«Выражаешься, как паршивый фанат», – обругал его внутренний голос.

У Дэниела Манниака таких комплексов не было. Он радостно протянул свою мясистую ручищу для приветствия, и хрупкая кисть Коула словно утонула в ней.

– Мистер Коул, какая честь. Я обожаю ваши книги. Вы настоящий живой классик.

Сэм заметил, что губы старика тронула едва заметная гримаса – или ему показалось?

– Ну что же, спасибо, – ответил Себастьян.

За их спинами медленно, по-кошачьи грациозно скользнула тень. Она шагнула в свет лампы, и Сэм уставился в ущербный зрачок Ти-Кэй Мор.

– Я думал, вы собрались уходить, – сказал он.

– Собиралась. – Мор кивнула на Коула. – Но потом события приняли любопытный оборот.

Словно по сигналу, над их головами вспыхнул ослепительный свет: тьму разрезал сияющий белый луч. Он упал на большой белый экран, до сих пор прятанный в тени, и четверо писателей в молчаливом изумлении уставились на размытое изображение человеческого лица.

В абсолютной тишине камера медленно сфокусировалась, лицо стало четким.

Густые волнистые волосы. Лиловато-карие глаза. Кожа будто глина реконструктора.

– Добро пожаловать, – произнес Уэйнрайт на экране, и из спрятанных где-то в темноте динамиков загремел его невероятно низкий голос. – Теперь вы знаете правду: вы здесь не одни.

Манниак бросил восторженный взгляд на Сэма, Мор и Коула. Никто не разделил его энтузиазма.

Уэйнрайт продолжил:

– Надеюсь, вы простите мне этот обман, ведь я понял, что только так смогу осуществить свою мечту: впервые собрать в одной комнате четырех самых выдающихся авторов романов ужасов за последние полстолетия. Каждый из вас в свое время поразил меня. В средней школе я до одури пугался книг Дэниела Манниака... а в колледже открыл для себя элегантный, утонченный хоррор Себастьяна Коула... потом я отодвинул темную завесу, за которой скрывалась провинциальная Америка захватывающих романов Сэма Мак-Гарвера... и, наконец, есть некая прелесть в том, как из тебя натурально вытягивает душу через задницу Ти-Кэй Мор.

Себастьян весело хмыкнул. Мор насупилась, заподозрив какое-то неуважение к себе, но Себастьян тепло ей улыбнулся, и даже ершистая Мор смягчилась.

Раздался пронзительный скрежет, и писатели вздрогнули. На экране замелькали изображения – так быстро, что разобрать что-либо было практически невозможно.

Они увидели дом. Деревья. Высокую колеблющуюся траву.

И снова из сумрака на них глядел Уэйнрайт.

– Я *обожаю* ужасы. Есть что-то особенное в том, чтобы позволить кому-то завести тебя во тьму – невыносимо страшную и бесконечно манящую одновременно. И каждому из вас я доверился, позволил завести себя во тьму...

Снова раздался скрежет, словно кто-то вытягивал на свет гвоздь, несколько десятилетий погребенный в доске. Теперь картинки сменяли друг друга еще быстрее.

Дом. Стебли растений, оплетающие закрытую дверь. Ветки дерева. Белые облака в голубом небе. Окно под остроконечной крышей.

Когда Уэйнрайт вновь возник на экране, он стоял уже дальше от камеры – посреди заросшего поля. Густая трава покачивалась на ветру.

– ...а теперь я надеюсь, что вы доверитесь мне.

С сердитым электрическим щелчком экран погас.

Вслед за ним одна за другой начали гаснуть лампы, и стопки книг – книг Сэма, Мор, Манниака и Коула – растворились во мраке.

Четверо озадаченных писателей молча стояли в темноте.

– Кроме шуток, – наконец прошептала Мор, – что за хрень здесь творится?

– Это шоу, – ответил Сэм. – Его шоу. Вот так он действует.

Внезапно лампы снова зажглись, потом погасли, затем начали зажигаться по отдельности, вспыхивая, казалось, в случайном порядке, все быстрее и быстрее, будто бы в систему электроснабжения здания вселился злой дух. Из-за стробоскопического эффекта происходящее напоминало световое шоу на рок-концерте.

Свет сопровождался звуком – ритмичным барабанным боем, который становился все громче, завихряясь вокруг писателей, точно невидимый звуковой торнадо, пока...

...пока ужас и изумление не достигли предела.

В зале зажегся верхний свет. У дальнего конца стола стоял Уэйнрайт собственной персоной, небрежно засунув руки в карманы.

Сейчас, когда он, едва сдерживая волнение, стоял перед своими героями, он казался еще моложе. Чисто выбритый, взлохмаченный, в черном как смоль костюме и белой льняной рубашке, расстегнутой до середины груди, Уэйнрайт выглядел не старше двадцати пяти.

– Никто из вас не ушел, – сказал он. Даже без помощи динамиков низкий голос заполнил зал. – Тогда позвольте мне рассказать о нашем следующем шаге во тьму.

Мор провела языком по кромке передних зубов и остановилась в том месте, где крохотный кусочек был отколот.

– Завязывайте с этой пургой. Что мы здесь делаем?

Уэйнрайт улыбнулся. Этого вопроса он и ждал.

– Кто хочет провести ночь в доме с привидениями?

Глава 8

Мор села вместе с остальными за длинный стол, когда послышались шаги.

В зал вошла молодая афроамериканка – лет тридцати, высокая, стройная, в белой майке, черном лифчике и камуфляжных штанах с накладными карманами. На голове ее красовалась восхитительная пышная копна не тронутых парикмахером курчавых волос. Меж гладких щек сияла добродушная улыбка. С плеча девушки свисала на длинном ремне дорогая цифровая камера. В каждой руке она держала по две книги в мягкой обложке.

Девушка представилась как Кейт, просто Кейт. Говорила она по-южному зычно, тягуче – явно выросла в Джорджии. Перед каждым писателем Кейт положила по книге.

Мор коснулась своего экземпляра на столе.

«Я помню эту книгу. Из детства», – подумала она.

Страницы высохли и немного пожелтели, обложка обтрепалась по краям. На ней была выцветшая картинка, изображающая поле, довольно похожее на то, где стоял Уэйнрайт в начале своего нелепого представления. На дальнем конце поля, чуть с краю, темнел силуэт дома. На третьем этаже ярко светило окно.

Заголовок, набранный рельефным, нарочито зловещим шрифтом, характерным для дешевых ужастиков восьмидесятых, гласил: «Фантомы прерии: подлинная история сверхъестественного кошмара». А внизу стояло имя автора: доктор Малкольм Адьюдел.

Кейт села рядом с Уэйнрайтом, почти касаясь его локтем.

Мор смотрела, как остальные вертят книги в руках.

– Что это? – спросил Манниак с искренним любопытством.

Уэйнрайт улыбнулся:

– Это наш путеводитель. Кто-нибудь из вас читал это?

– Когда эта книга появилась в печати, – заметил Себастьян в своей сдержанной, утонченной манере, – она полностью оправдала мои ожидания, оказавшись неряшливой, состряпанной исключительно ради денег жульнической поделкой.

– Ага, сейчас образованная публика думает именно так. – Уэйнрайт поднял свой изрядно потрепанный экземпляр, пробежался пальцами по ветхим страницам. – Но тогда многие люди верили написанному здесь, настолько верили, что книга попала в список документальных бестселлеров. В этой части страны дом на Кровавом ручье до сих пор является местной легендой, Сэм подтвердит.

Мор взглянула на Сэма – тот кивнул:

– Это просто детская страшилка.

– погодите, я припоминаю это место, – заявил Дэниел, осторожно поворачивая книгу в руках, точно драгоценный древний артефакт. – Шуму было много...

– Правда, недолго, – вставила Кейт.

Мор закатила глаза. *Недолго. Ну, разумеется. Мелкая девчонка. Ничего, скоро повзрослеешь.*

Дэниел кивнул:

– Точно. Точно, это там жили две жуткие женщины...

– Сестры Финч, – сказал Уэйнрайт.

– Именно. С тех пор как этот дом построили, никто не мог там прижиться. Когда люди в него въезжают, дом вроде как оживает! – Манниак постучал пальцем по обложке «Фантомов прерии». – В книге это все описано. Теперь я вспомнил. А фильм про это не сделали?

– Собирались, – ответил Уэйнрайт. – Но так и не сняли.

Мор скрестила руки на груди, откинулась на спинку стула и, сощурившись, посмотрела на юного интернет-магната во главе стола:

– Так какое отношение дом на Кровавом ручье имеет к нам?

Уэйнрайт ответил на ее пристальный взгляд, даже не вздрогнув:

– В октябре «Страх в эфире» всегда делает что-то грандиозное к Хэллоуину. Но в этом году у нас как-то не задалось. Все наши придумки были либо слишком очевидными – такое могло прийти в голову кому угодно, – либо слишком дешевыми, им не хватало... ну, того *инди-нафоса*, благодаря которому и прославился «Страх в эфире». Мы тематическая платформа, правильно? Но помимо этого мы поп-культурная платформа – такая у нас концепция. От прочих подобных сайтов и журналов нас отличает то, что мы в равной мере фокусируемся как на *популярном*, так и на *культурном*. Если некое явление уже стало мейнстримом, я хочу взглянуть на него с нового, совершенно неожиданного ракурса. Если некое явление забыли или обделили вниманием, я хочу, чтобы о нем стало известно всем и каждому. Поэтому наши большие проекты должны как бы существовать в двух ипостасях: в них должно присутствовать нечто развесисто-низкопробное, но необычным образом облагороженное – как правило, с помощью автора или авторов, обладающих настолько неоспоримым авторитетом, что они возвышают низкопробное, превращают его в нечто... глубокое.

Уэйнрайт вошел в раж. Когда Мор увидела его в первый раз, он показался ей резиновым: стоявший перед ней человек словно натянул маску Уэйнрайта, скрыв свое подлинное лицо. Но чем дольше Уэйнрайт говорил о предмете своей страсти, тем более живой казалась его резиновая плоть.

– И однажды в моем мозгу вдруг возникла картинка: старый темный дом, ночь Хэллоуина. Дом с привидениями. Все любят дома с привидениями. Это вечное. Это *популярное*. Оставалось добавить *культуру*. А это уже вы.

– При всем уважении к вашей изобретательности, я на это не подписывался, – заявил Себастьян.

Уэйнрайт бросил взгляд на Кейт, и та ответила ободряющей улыбкой.

Это не ускользнуло от внимания Мор. «Они вместе», – отложила она у себя в голове на будущее.

Из кожаного портфеля, что стоял на полу рядом с его стулом, Уэйнрайт достал пачку бумажных листов и положил на стол:

– Вот документ, который подписывали либо вы, либо ваши представители. Вы, таким образом, дали согласие на двухдневное интервью со «Страхом в эфире». Я обещал вам покрытие расходов на проезд, питание и проживание. Но я не упоминал, где будет проходить интервью и будут ли на нем присутствовать другие лица. Вы все предположили, что будете единственными интервьюируемыми и что мероприятие будет проходить в нормальной, так сказать, обстановке.

– Вы нас обманули, – сказал Сэм. Злости в его голосе не было. Он лишь констатировал простой и очевидный факт.

Уэйнрайт вздохнул:

– Ну что же... да, обманул. Полагаю, можно это и так назвать. Но если бы вы знали мой план с самого начала, вы бы пришли сюда? Смог бы я тогда собрать вас в одной комнате?

– Ну что ж, у вас получилось, – сказал Сэм. – Вы нас собрали. Но ваша затея мне неинтересна.

Он отодвинул свой стул, собираясь уходить.

– Да что с вами, Сэм? Любой ваш студент за шесть банок пива пойдет и вынесет с ноги дверь дома сестер Финч. Не говорите мне, что современный автор хорроров боится... как вы выразились... детской страшилки?

Мор ждала, что попсарь со Среднего Запада заглочит наживку, однако этого не случилось. Сэм молчал.

Уэйнрайт повернулся к остальным:

– Мы могли бы провести интервью здесь, в библиотеке, могли бы провести его в каком-нибудь конференц-зале или в любом месте, где тупо ловится Интернет.

Он выдержал паузу – достаточно долгую, чтобы любой из писателей мог встать и выйти. Никто не двинулся с места.

– Я не могу вас принудить. Вы можете уехать сейчас. Или переночевать в Плазе – для вас забронированы комнаты в отеле – и уехать утром. – Он подался вперед в свете лампы, и на лицо его легли длинные тени. – Или можете поехать со мной на Кровавый ручей, и тогда первого ноября вы будете не просто самыми знаменитыми авторами романов ужасов на планете – вы будете *самыми знаменитыми авторами* на планете.

– Мы и так знамениты, – заметил Себастьян. Спина его напряглась.

Уэйнрайт медленно кивнул:

– Верно, вы, сэр, знамениты. У определенного поколения. Но что будет, если читатели вас забудут?

Он повернулся к Дэниелу Манниаку:

– Или перерастут вас?

К Мор:

– Или не поймут вас?

К Сэму:

– Или разочаруются в вас?

В зале повисла напряженная тишина. Никто не хотел признаваться, что уколы Уэйнрайта попали точно в цель.

«Да пошел он», – подумала Мор.

– Это бред собачий.

– Бред? – переспросил Уэйнрайт. – Или именно то, что нужно сейчас каждому из вас?

– Детка, ты не знаешь, что мне нужно, – ответила Мор. – А если бы даже и знал, то не сумел бы мне это дать.

Уэйнрайт издал отрывистый смешок. Не издевательский – ему и вправду было весело.

– Слушайте, я обещаю, вы отлично проведете время. Будет уютно. Дом на самом деле не такой уж ветхий. Рейчел Финч жила в нем до девяносто восьмого. Несколько дней назад там снова подключили воду. Электричество дает генератор. Сегодня после обеда команда уборщиков отправилась наводить внутри чистоту.

Дэниел Манниак привстал со своего места:

– То есть люди входили в дом?

– Только уборщики. Разнорабочий. Возможно, еще парочка трудяг.

– И ничего... не было?

– Вы о чем, дружище? О паранормальных явлениях?

Дэниел кивнул:

– Ну, от дома сестер Финч чего-то такого и ждешь.

Уэйнрайт покачал головой:

– Нет, ничего такого не было. Правда, люди были в доме всего пару часов и при свете дня.

Себастьян легонько побарабанил костяшками пальцев по столу.

– При свете дня, – повторил он. – Вы, выходит, намекаете, что ночью может случиться что угодно?

Уэйнрайт грубовато хохотнул:

– Слушайте, если вы хотите спросить, верю ли я, что в доме действительно есть привидения, ответ: *нет*. Если вы хотите спросить, не задумал ли я устроить так, чтобы *казалось*, будто там есть привидения, ответ будет ровно тот же самый. Честное слово, это интервью, шанс для зрителей заглянуть внутрь ваших гениальных голов в подходящем, так сказать, интерьере. Я специально обеспечил камерную обстановку. Только мы. Несколько камер. Простое звуковое

оформление. Никаких понтов. Никаких излишеств. Я хочу, чтобы мои подписчики ощущали себя так, будто не сидят перед экраном, а находятся в доме с нами. Поэтому я максимально сократил производственную команду. В доме с вами будем только я и Кейт.

Уэйнрайт чуть тронул руку девушки.

Мор покачала головой. *Он разрешил девчонке открыть рот.*

Кейт одной рукой приподняла камеру. Глядя писателям прямо в глаза, она начала объяснять:

– Я буду документировать происходящее в доме при помощи нескольких закрепленных цифровых камер, а также буду снимать с руки. Стрим будет идти с начала интервью до его завершения. Если мы будем показывать зрителям каждую минуту, что проведем в доме, то только распылим внимание аудитории, превратим минуты в часы. Наша цель – создать видео, которое привлечет множество зрителей в прямом эфире, но при этом будет достаточно коротким, чтобы распространяться вирусно. Наша цель – охватить как можно больше людей и как можно быстрее. Остальной видеоматериал мы запишем на жесткий диск и отредактируем позже. Это не сериал «По следам призраков». Мы не будем расставлять по всему дому камеры ночного видения. Это видео о том, как вы проводите время вместе. О том, как вы беседуете с Уэйнрайтом. В центре повествования должны – и будете – находиться вы четверо.

– Спасибо, Кейт. – Ножки стула Уэйнрайта скрипнули, когда он встал. – Итак? Кто в деле?

– Я в деле, – объявил сгорающий от нетерпения Дэниел.

Мор скорчила гримасу:

– Кто бы сомневался.

– А что? – сказал Манниак. – Похоже, будет весело.

Себастьян втянул носом воздух и медленно выдохнул.

– Я тоже в деле, – сообщил он, хоть и с куда меньшим воодушевлением, чем Дэниел. –

Почему бы не развлечься немного на старости лет, пока ноги еще ходят?

– Вы оба серьезно? – спросила Мор. Она посмотрела на Сэма. Тот потирал свою затейливо татуированную левую руку. – Вы-то хоть в это не полезете?

Сэм покосился на Мор, потом на Себастьяна Коула. Тот, казалось, был доволен своим решением – сидел со спокойным взглядом и прямой спиной. Перед Сэмом явственно забрезжил шанс насладиться обществом литературной легенды.

– Да к черту! Я в деле, – сказал он.

Мор фыркнула с нескрываемым отвращением.

Однако Уэйнрайт повернулся к ней, словно ничего не заметил:

– Мужчины согласны. А вы, мисс Мор?

Гораздо позже, когда их положение обрело чудовищную ясность, Мор вспоминала этот момент и проклинала себя за то, что не вышла из зала. Она хотела уйти. Никто ее не держал. Но так, как и остальных, что-то заставило ее остаться, что-то заставило ее сесть за стол и прилежно выслушать Уэйнрайта. Мор не могла говорить за других, но, когда она со всей строгостью спросила себя, что побудило ее принять участие в этом грандиозном фарсе, ответ оказался до тошноты простым и идиотским.

Она осталась потому, что остались мужчины. Осталась из гордости. Она не для того так яростно сражалась с этими высокомерными свиньями, чтобы встать и уйти.

Номер 819. Сэм вставил ключ-карту в щель замка и услышал щелчок. Он толкнул дверь.

Затхлый воздух ударил в ноздри. Он захлопнул дверь за собой. Бросил ключ-карту на комод, опустил сумку на пол и рухнул на кровать.

Минут десять лежал, уставясь в потолок, белизну которого портило пятно от протечки.

Сэм закрыл глаза.

Как все это глупо.

Комнату наполнило гудение кондиционера.

Пальцы медленно заскользили по обожженной коже левой руки. Из кондиционера под окном шел ровный поток прохладного воздуха.

Глубоко в горле Сэм ощутил пепел. Почувствовал тошнотворно-сладкий запах горелой кожи. Понял, что это его кожа. Но был и другой человек, там, в огне, пламя пожирало его...

Сэм сел на кровати.

Он взял мобильный, экран зажегся. Новых сообщений не было. А кому он на хрен сдался? Илай мог бы поинтересоваться, как там его клиент. Эрин. Это вряд ли. Хотя Хэллоуин *был* их любимым праздником. Они брали в прокате кучу ужастиков, наполняли огромную миску конфетами для ряженных и выключали в доме свет, чтобы комнату озарял лишь мерцающий экран телевизора.

Уже 30 октября, а от Эрин ничего.

«Может, завтра, – подумал он. – Когда мы будем в доме».

Он знал, что она не позвонит. Она вычеркнула его из своей жизни.

Сэм поднялся и принялся мерить комнату шагами.

Что я здесь делаю? Я сейчас должен быть дома и писать. Или хотя бы пытаться писать. Надо было взять с собой ноутбук. Да нет, что можно написать, торча в доме с тремя другими литераторами? Возможно, ничего. А может, эта поездка разбудит во мне вдохновение. Может, именно в этом старом доме с привидениями у меня родится зачин романа. Первое предложение внезапно возникнет в голове, цельное, идеальной формы, как здоровое дитя.

На столе у окна лежали блокнот с эмблемой отеля «Фэйрмонт» и шариковая ручка. Сэм схватил их и запихнул в сумку. Выдохнул. Вот так. Ему немного полегчало. Одна проблема решена. Остался еще миллион.

Он покопался в сумке и вытащил маленький несессер. Расстегнул молнию. Внутри лежала дорожная таблетница, а в ней – три зеленые таблетки. Сэм закинул одну из них в рот и проглотил не запивая.

Без четверти семь вестибюль «Фэйрмонта» выглядел так же, как любой гостиничный вестибюль, – пристойно полутемный, вычурно отделанный и битком набитый командированными. В воздухе разносилась легкая джазовая музыка.

Войдя в вестибюль, Сэм огляделся и почти сразу же заметил Себастьяна Коула. Тот пригнулся у барной стойки, небрежно сжимая в руке стакан – судя по виду, с односолодовым виски. Коул смотрел в окно позади стойки: снаружи темнота уже начинала завладевать городом. Бескрайнее синее небо усеяли звезды, еще недавно белые облака зарделись, словно кто-то надавал им пощечин. В Плазе одна за другой загорались витрины магазинов, зазывая к себе продрогших покупателей. По улице неспешно ехала запряженная лошадьми карета, машины терпеливо тащились сзади.

Неподвижный взгляд Себастьяна был устремлен в пространство.

– Надеюсь, я вам не помешаю.

Голос Сэма застал Коула врасплох. Он резко обернулся.

– Простите, – продолжил Сэм. – Если вы хотите побыть один...

– Вы нисколько мне не мешаете. – Себастьян радушно улыбнулся. – Прошу. Выпейте со мной.

Сэм устроился на соседнем табурете и заказал себе пива. Бармен наполнил бокал до краев.

– Надо же, – сказал Сэм, отхлебнув долгожданный глоток, – куда нас занесло.

– Кто бы мог подумать.

Сэм взял из лежащей неподалеку стопки салфетку для коктейля и принялся скручивать ее в трубочку. «Давай решайся, – велел он себе. – Непринужденно сказать не получится, так что говори как можешь».

– Мистер Коул, я...

– Пожалуйста. Себастьян.

Сэм кивнул:

– Себастьян. Я не сомневаюсь, что вы это слышите каждый день, но ваши книги сыграли огромную роль в моей жизни. Можно сказать, именно ваши книги побудили меня стать писателем. – Он нервно помял в руках салфетку.

– Не хочу показаться надменным стариком, Сэм... могу я называть вас Сэм?

– Конечно.

– Отлично. Да, фанаты и впрямь часто рассказывают мне, как они обожают мои книги, особенно «Едва заметную тень».

– Это классика, – выпалил Сэм и немедленно устыдился. Он вспомнил, как поморщился Себастьян, когда чуть раньше его назвал классиком Дэниел.

– Классика, – с меланхолической улыбкой согласился Себастьян, – как и я сам. – Он сделал большой глоток виски. – Но похвала из уст такого писателя, как вы, Сэм, талантливого писателя, честного писателя, не пустой звук. Я верю, что вы умеете отличить хорошую историю от плохой. И если мои истории хороши, что ж, значит, я со своей задачей справился.

Сэм кивнул. Он поднес бокал к губам, но так и не отпил. Он должен был сказать еще кое-что.

– Я прочел «Едва заметную тень» в двенадцать. За два года до того умерла моя мать. Я не... Ну, скажем так, жизнь у меня была не сахар. Ваша книга, ваше творчество не просто вдохновили меня. Они... они меня спасли.

Себастьян медленно кивнул, но не произнес ни слова. Некоторое время двое мужчин пили молча.

– Я тоже читал ваши книги, Сэм, – наконец сказал Себастьян.

Грудь Сэма стиснуло невольное волнение.

– Они мне очень понравились, – продолжал Себастьян. – Вы очень искренни в своих романах, особенно в самом первом. Он – подлинный. Возможно, вам покажется, что это не самый эффектный комплимент на свете, но голос вроде вашего – живой голос – редкость в наши дни.

Настала очередь Сэма отвечать молчанием на похвалу. Одобрение Себастьяна значило для него неизмеримо много, однако три слова вспороли его самооценку словно ножом – «особенно в самом первом».

Сэм сделал длинный глоток, надеясь, что пиво, смешавшись с медленно рассасывающейся в желудке таблеткой, притупит его чувства.

– Что же касается остальных наших собратьев по перу... – Себастьян быстро окинул вестибюль взглядом и, убедившись, что никого из тех, о ком он говорит, в зоне видимости не наблюдается, продолжил: – Мистер Манниак пишет для подростков – для аудитории, которую я никогда не понимал и уже не пойму. А мисс Мор при всей своей бешеной популярности потекает... скажем так, *специфической* прослойке, полагающей, будто сексуальное раскрепощение заключается в том, чтобы дать демону трахнуть тебя в задницу.

Сэм чуть не поперхнулся пивом, но все же сумел проглотить его, прежде чем расхохотаться.

– Уж простите мне мою прямоту, – сухо закончил Себастьян.

За окном наконец стемнело, последние отблески заката скрылись за горизонтом. Бар словно бы обрадовался сумеркам, музыка сменилась с джаза на электронную, лампы, еле заметные днем, теперь расчертили красные стены узкими полосами яркого света. В вестибюле словно стало теснее, посетители начали перебираться ближе к барной стойке. Когда сюда успело набиться столько народу? Голоса гудели все громче и громче, наслаивались друг на друга, беспорядочная пьяная болтовня лилась отовсюду.

Сэм видел, как в темноте за окном кто-то движется. Он догадывался, что это люди, однако суетились они, совсем как насекомые, и, казалось, старались держаться в тени, подальше от глаз наблюдателя.

– Здесь ведь есть какая-то история?

Себастьян смотрел на руку Сэма. Понятно было, что старик спрашивает не о татуировках.

– Да.

– Вы кому-нибудь ее рассказывали?

Сэм покрутил в руке бокал с остатками пива:

– Кое-что рассказывал. Жене. *Бывшей* жене.

– Почему только кое-что?

– Иногда... – Сэм помедлил. Облако едкого серого дыма снова за клубилось у него в горле. – Иногда истории слишком сильны. Они меняют тебя в глазах других.

Старик кивнул:

– Это точно.

За столиком неподалеку компания предпринимателей в плохо сидящих готовых костюмах разразилась неожиданно громким хохотом.

Себастьян выпрямился на своем табурете, атмосфера беседы потеряла толику своей интимности.

– В любом случае будет крайне прискорбно, если вы так и останетесь автором четырех романов.

– Нет, я сейчас работаю над новой книгой. Дело движется.

«Врешь, – тут же выругал он себя. – Ты соврал своему кумиру».

Себастьян, похоже, уловил неискренность собеседника, его улыбка слегка поблекла.

– Сэм, агенты рассказывают друг другу всякое. В этом бизнесе ничто не остается тайным долго. Иногда писателю просто нужно сделать перерыв, чтобы перестроиться.

Сэм коротко рассмеялся, надеясь правдоподобно изобразить удивление:

– Не знаю, что вам говорили, но, клянусь, это просто слухи.

– Слухи – занятная штука, – мягко сказал Себастьян. – Неважно, правдивы они или нет, люди им верят.

Глава 9

Понедельник, 31 октября

Дэниел Манниак всегда был жаворонком.

Он распахивал глаза, стоило солнцу показаться на горизонте, даже когда спал дома, в своей постели, рядом с женой Сабриной. Он выбирался из кровати как можно тише, морщась, когда кровать, освобожденная до вечера от его туши, издавала скрип. Сабрину он не будил почти никогда. Она спала как убитая. Лежала, крепко свернувшись калачиком под одеялом, такая же миниатюрная, как в юности, когда только познакомилась с ним.

Поэтому для Дэниела стал немалым потрясением тот факт, что в гостиничном номере в городе, где он бывал всего-то пару-тройку раз, он ухитрился проспать.

Когда он разлепил веки, солнечный луч уже перерезал изножье кровати, точно ножом. Бросил взгляд на электронные часы на тумбочке – 10:14 утра. Рука, вынырнув из-под одеяла, потянулась к устройству. Только потрогав их, ощутив пластик корпуса своими толстыми пальцами, он смог поверить, что цифры на дисплее не врут.

– Ешкин корень...

Они условились встретиться в вестибюле в половине двенадцатого. После душа и одевания у него едва-едва останется время запихнуть в себя поздний завтрак.

Дэниел перекатился, чтобы подняться, но мягкий матрас как будто не хотел его отпускать, просев под чудовищным весом.

В голове мелькнула совершенно дикая мысль:

Ери твою медь, я же встать не смогу.

Он ухватился за раму кровати, ища точку опоры. По пути рука задела и смахнула с тумбочки лежавшую рядом с часами книгу.

Дэниел посмотрел на пол.

Эту книгу ему прошлым вечером дала Кейт.

«Фантомы прерии».

Он заворчал сквозь зубы, злясь на самого себя.

Из-за книги-то он и проспал...

Поднявшись в номер из ресторана в начале десятого, он прекрасно понимал, что пора ложиться. Но книга заинтриговала его с того самого момента, как он взял ее в руки в библиотеке. Что-то такое было в обложке, обманчиво простой в сравнении с тем пакостным искусством, что красовалось на обложках его собственных романов. Сельский дом, тонущий в высокой траве, зловеще-мистический огонек в окне верхнего этажа. Он поднес книгу поближе к глазам. Тут чьи-то лица меж деревьев за домом? Сказать наверняка было сложно, но в изгибах теней между гладкими стволами чудилось что-то наподобие людских силуэтов.

Дэниел устроился в кресле у журнального столика под окном и раскрыл книгу.

«Подлинная история сверхъестественного кошмара», – гласил подзаголовок.

Он начал читать.

«Фантомы» были написаны журналистским слогом с уклоном в наукообразие, но встречались и красочные обороты, и их оказалось достаточно, чтобы Дэниел, пусть и немного стыдясь своей впечатлительности, перенесся из отеля в Канзас-Сити на Кровавый ручей, в мрачную сельскую глушь.

Он был с доктором Малкольмом Адьюделом, когда на пороге его встретила Рейчел Финч. Ее лицо покрывала лунная бледность, а волосы – разительный контраст! – были черны, словно беззвездная ночь. Вместе с парапсихологом Дэниел исследовал дом, комнату за комнатой,

прислушиваясь к звукам призрачного ветра, наполняющего коридоры, точно воздух – легкие. Закрывая глаза, он видел зловещие черты Ребекки Финч – она уже умерла, когда Адьюдел явился в дом, однако ее присутствие здесь ощущалось так же явственно, как присутствие Рейчел. Несколько раз Дэниел подпрыгивал на месте, когда мимо его номера проезжала тележка горничной.

Он был уверен, *абсолютно уверен*, что слышит скрип колес кресла-каталки Ребекки Финч.

Он одолел две трети книги, когда понял, что читает уже четыре часа кряду. Шел второй час ночи.

Быстро вскочил с кресла, почистил зубы, натянул полосатую пижаму. И забрался в постель с твердым намерением спать. А книга подождет.

Но среди деревьев на обложке и впрямь скрывались чьи-то лица. Теперь Дэниел не сомневался, что ему не почудилось.

Когда он перевернул последнюю страницу, было почти четыре утра.

Он положил книгу на тумбочку рядом с часами. И уже хотел выключить ночник, когда голос в его голове закричал:

– *Нem!*

Это был не его голос. Он был мягче. Нежнее. Однако в нем была заключена невероятная сила.

Голос принадлежал его дочери, Клэр.

Его Клэр. Даже в шестнадцать с небольшим лет, по уши в переходном возрасте, она оставалась его якорем. Его надеждой. Смыслом его жизни.

Когда рука Дэниела остановилась в нескольких дюймах от выключателя, он еще чувствовал, как вибрирует голос, растворяясь в темноте.

Он был взрослым человеком. Он не собирался спать со светом. Но нельзя же допустить, чтобы эта паршивая жуткая обложка таращилась на него всю ночь.

Дэниел открыл ящик тумбочки и бросил книгу внутрь, к неременной отелной Библии короля Якова.

«Странное вышло соседство», – подумалось ему.

Оставалось надеяться, что старина Яков не даст призракам с обложки безобразничать ночью.

И вот теперь, в четверть одиннадцатого утра, он созерцал лежащую на полу книгу, которую он точно – *совершенно точно!* – положил в ящик тумбочки.

«Да брось, приятель, это тебя память подвела, – сказал он себе. – Поздно было. Ты устал».

– Ну да, – произнес Дэниел вслух. – Наверное.

Выкарабкался из постели, осторожно перешагнул через книгу и направился в ванную.

Оставил книгу лежать на полу, пока не пришло время выезжать.

Мор стояла на тротуаре, крепко сжимая ручку сумки и уставившись сквозь стекла темных очков на припаркованный в нескольких ярдах кошмар. За ее спиной с шипением отворились автоматические двери, и из них выбежал Дэниел, таща за собой объемистый чемодан. Даже морозным октябрьским утром его раскрасневшееся лицо покрывала испарина.

Увидев то, что увидела Мор, Дэниел тоже застыл на месте.

– Мы вот на этом поедem? – спросил он.

Мор провела языком по передним зубам.

– Увы, похоже, что да.

«Твою мать, – подумала она, – мы записались в бродячий цирк».

Боковая дверь древнего фольксвагеновского микроавтобуса была распахнута, являя взгляду кресла в центре и задней части салона. Кейт – в облегающих брюках и терморушашке с длинными рукавами – прислонилась к бледно-желтому боку машины. Сегодня она была уже

без макияжа, на щеках кое-где виднелись следы от акне. Свои темные волосы девушка стянула в незамысловатый хвост на затылке. Камера свисала на ремне с ее плеча. Кейт о чем-то тихо беседовала с Уэйнрайтом, тот нарядился в темно-синие джинсы и черную кожаную куртку поверх белой футболки с треугольным вырезом. Легкий ветер трепал его густую шевелюру, пряди волос то и дело обрамляли оправу тонированных очков-авиаторов.

Карие глаза Кейт устремились на стоящих на тротуаре писателей. Она приветливо улыбнулась и машинально подняла камеру. Большой палец лег на кнопку «пуск».

– Утро доброе. – Кейт проворно навела фокус.

– С добрым утром, – отозвался Дэниел.

Уэйнрайт повернулся к писателям, лицо его в ярких солнечных лучах выглядело гладким и странно искусственным. Он похлопал ладонью по металлическому боку микроавтобуса:

– Что скажете? Красота, верно?

Мор тихо рыкнула.

– Давайте покончим с этим поскорее, – заявила она, подошла к машине и забралась в салон.

Дряхлый микроавтобус катил по шоссе.

Сэм глядел в окно. Лицо у него было осунувшееся, глаза усталые. Ночью он спал плохо. Нервы словно превратились в миллионы камертонов, гудящих на разных высотах.

«И вот я еду на автобусе в летний лагерь, – думал Сэм. – Как будто вернулся в детство. Ненавижу возвращаться в детство».

– У нас модель семьдесят пятого года, – крикнул Уэйнрайт с водительского места.

Никто ничего на это не ответил, и Сэм подался вперед в своем кресле в третьем ряду:

– Вы о чем?

– О микроавтобусе. Его выпустили в семьдесят пятом, в том самом году, когда сестры Финч въехали в дом на Кровавом ручье. И, если не ошибаюсь, в том самом году, когда мистер Коул опубликовал два романа: «В конце туннеля» и «Тьма перед рассветом».

– Все верно, – отозвался Себастьян. Было видно, что слова Уэйнрайта его несколько смутили.

Мор саркастически присвистнула:

– Да, мы поняли: Себастьян написал кучу книг за последние сто лет.

Себастьян добродушно хохотнул:

– Не переживайте, мисс Мор, «Тьма перед рассветом» была полным говном.

– А «Туннель»? – спросила Мор.

– А «Туннель», разумеется, был шедевром, – подмигнул ей Себастьян.

Сэм откинулся на спинку обитого кожей кресла и стал слушать, как шуршат колеса по асфальту. Дэниел Манниак сидел рядом с ним, сложив руки на коленях, точно послушный ребенок. Его обывательская зеленая рубашка поло была заправлена в рыжеватые брюки докеры с коричневым кожаным ремнем; поглядев на нависающий над брюками валик плоти, Сэм подумал, что ремень не мешало бы немного ослабить. Кожа на пухлых руках Дэниела была бледная, розовато-серая, как брюхо дохлой рыбы.

Поездка протекала относительно спокойно, хотя Уэйнрайт всеми силами старался это изменить. Каждые несколько минут он предпринимал попытку завести светскую беседу, однако каждый раз терпел неудачу. Сэм был этому только рад. Шоу, которое интернет-магнат закатил накануне, оказалось весьма утомительным мероприятием, и теперь Сэм чувствовал себя как с похмелья, хоть и выпил в баре всего три пива. Они проехали в молчании еще несколько миль. Сэм хотел сесть с Себастьяном, но Мор его опередила, и пришлось устроиться сзади, с Дэниелом. Оставалось лишь созерцать затылки Себастьяна и Мор в среднем ряду и Уэйнрайта и Кейт – впереди. Писатели погрузились в себя. Сэм подозревал, что все они сейчас придумывают оправдания своему участию в этой безумной поездке.

– О'кей, настало время викторины, – объявил Уэйнрайт, решив опробовать новый подход.

– Господи, да что ж такое? – пробурчал Сэм.

Кейт развернула камеру над спинкой своего кресла и направила на них широкоугольный объектив. Из-за солнечных бликов казалось, что у линзы узкий вертикальный, как у рептилии, зрачок.

Сэм неуютно поежился под взглядом камеры.

Уэйнрайт постучал по своему экземпляру «Фантомов прерии», лежащему на приборной панели. Сэм видел отражение обложки в переднем стекле.

– Всем вам раздали книгу Адьюдела, так что это будет нетрудно. – Не отрывая глаз от дороги Уэйнрайт спросил сидящих сзади: – Сколько владельцев было у дома?

Ответом ему было молчание.

Сэм ссутулился в своем кресле. *Хватит уже игр. Никому это не надо.*

Отсутствие энтузиазма не порадовало Уэйнрайта.

– Хоть кто-нибудь попробует?

Дэниел неловко покосился на остальных, догадавшись, что никто не хочет участвовать в викторине.

– М-м... шесть, кажется.

– Неверно, – отрезал Уэйнрайт. – Их было пять. – Он вздохнул. – Кто назовет мне их имена?

И снова ответа не последовало.

– Сэм, – Уэйнрайт повернул зеркало заднего вида так, чтобы видеть Сэма, – как насчет вас?

Сэм поднял глаза – прямо на него смотрел объектив Кейт. Он вздрогнул, покачал головой:

– Я не знаю. Извините.

И без того низкий голос Уэйнрайта стал еще ниже. В нем не осталось и намека на любезность.

– Но вам же дали книгу. Я дал вам книгу специально для этой поездки.

Кейт, похоже, почувствовала, что атмосфера накаляется. Она напряглась, но камеру держала уверенно.

«Он тебя подначивает, – сказал себе Сэм. – Хочет добиться от тебя реакции». И ответил на взгляд Уэйнрайта в зеркале:

– Было поздно. Я устал.

Кожаная обмотка руля скрипнула – Уэйнрайт крепко стиснул его.

– Какой смысл ехать в этот дом, если никто из вас ничего о нем не знает? – Теперь в его голосе слышалась злость. Сэм видел со своего места, как едва заметно двигаются желваки на его челюсти. Уэйнрайт сжимал и разжимал зубы. – Вообще никто не удосужился почитать книгу?

Кейт опустила камеру, притворяясь, что возится с настройками.

– Я попробовал, – сообщил Себастьян. – Но не мог вынести издевательства мистера Адьюдела над английским языком. Его восклицательные знаки страшнее паранормальных явлений, за описаниями которых они следуют.

Мор резко повернулась к старику:

– Вы бы предпочли, чтобы он писал в пресловутом изящном стиле Себастьяна Коула?

– Честно говоря, я бы предпочел прозе Адьюдела что угодно, даже пресловутый извращенческий стиль Ти-Кэй Мор.

Застигнутый этой репликой врасплох, Сэм нечаянно фыркнул.

Мор бросила на него взгляд, даже сквозь темные стекла было заметно, что сердитый. *Или не совсем сердитый*. В нем была крупница кокетства. Как Мор ни противилась этому, мало-помалу она проникалась симпатией к своим спутникам.

– Я прочел. Целиком.

Все удивленно повернулись к Дэниелу.

Себастьян поднял бровь:

– Не корите себя, мистер Манниак. Бессонница, как известно, заставляет людей совершать иррациональные поступки.

– Я не из-за бессонницы. Я хотел прочесть. Хотел понять, во что нас втягивают.

– Ну и? – строго, испытующе спросил Уэйнрайт. Он словно превратился в пару глаз в зеркале заднего вида. – Во что я вас втягиваю?

Сэм заметил, что Уэйнрайт покосился на Кейт. В уголках его губ заиграло смутное подобие усмешки.

«Ему нравится держать нас в неведении», – мелькнуло в голове.

Дэниел нервно поерзал в своем кресле:

– Ну, я хочу сказать, я ни одному слову не поверил. По-моему, это какая-то чепухня.

– Не знаю, что пугает меня больше, – заявила Мор, – то, что вы прочли эту кошмарную книгу целиком, или то, что вы сейчас на полном серьезе употребили слово «чепухня».

– Не каждую фразу следует приправлять нецензурной лексикой.

– У нас с вами, наверное, просто разные подходы, да, мистер Манниак? Я пишу о том, что люди думают, а вы говорите людям, что им думать. Не волнуйтесь, вы не первый святоша, считающий, что он праведнее всех на свете.

Щеки Дэниела вспыхнули румянцем.

– Я не считаю себя праведнее всех на свете. Я считаю, что книга должна преподавать урок посредством развлечения. А вы используете литературу для восхваления всяких отклонений.

– Довольно вам, – сказал Себастьян.

Мор не обратила на старика внимания. Она развернулась и уставилась на Дэниела темными стеклами своих очков:

– Я всего лишь побуждаю своих читателей освободиться от искусственно сфабрикованной морали, которой их каждый день пичкают лицемерные проповедники и политиканы.

– Каким образом? Предлагая девочкам-подросткам резать себя?

– Хватит уже, – сказал Себастьян громче.

Уэйнрайт снова бросил взгляд на Кейт, и Сэм отчетливо увидел, что он ухмыляется. Магнат энергично кивнул, и Кейт, подчиняясь приказу, подняла камеру и принялась снимать.

Ему нравится смотреть, как мы грыземся.

Мор продолжала:

– Девочки-подростки калечат себя по одной-единственной причине: потому что самоуверенные мудаки вроде вас внушают им, что их тела – сосуды греха. Им нужна моя помощь, чтобы избавиться от вашего угнетения. Может быть, именно поэтому моя первая книга, которую я издавала самостоятельно, продана бóльшим тиражом, чем все те церковные брошюрки, что вы зовете романами.

– Хватит! – прикрикнул Себастьян, точно отец, выведенный из себя детской ссорой.

– Писатели, кончайте ругаться, а то домой сейчас поедете, – откликнулся Уэйнрайт шуточно-строгим тоном и сам же басовито рассмеялся своей реплике.

Сэм нахмурился. *Что-то с ним не так. Секунду назад он был готов в нас вцепиться, а теперь шутит, будто мы старые друзья.*

– Что у вас на уме, Мак-Гарвер? – Мор повернулась к нему.

– В смысле? – растерялся Сэм.

– У вас такой вид, будто вы хотите что-то сказать.

В зеркале заднего вида сверкнули глаза Уэйнрайта. Он ждал, что ответит Сэм.

– Красивые у вас очки, – сказал Сэм Мор.

Она рассмеялась – удивительно искренне – и кивнула на его левую руку:

– У вас красивые татухи, но мне интереснее то, что скрывается под ними.

Сэм инстинктивно прикрыл шрамы правой ладонью, пытаясь спрятать.

Себастьян вздохнул:

– Ну, видите? Можете же вы ладить друг с другом.

Глаза Уэйнрайта в зеркале все еще были прикованы к Сэму.

«В какую игру ты играешь?» – задумался Сэм.

Автобус внезапно вильнул, и все схватились за сиденья. Они миновали указатель «Кровавый ручей» и, круто свернув, съехали с шоссе.

– Прошу прощения, – равнодушно произнес Уэйнрайт.

Вскоре асфальт сменился гравием.

Сэм прижался лбом к прохладному стеклу окна. Деревья вдоль дороги уже сбросили листья, готовясь к зиме. Длинные голые ветки нависали над дорогой, словно руки скелетов. Тут и там на деревьях сидели дрозды – а может, скворцы, – провожая машину взглядом черных глаз-бусинок. Время от времени одна из птиц пронзительно кричала на незваных гостей.

Вам здесь не рады. Разворачивайтесь и уезжайте.

Что-то мелькнуло на обочине – забор из сетки-рабицы, оплетенный вьюнками. Забор проходил сквозь лес, перпендикулярно дороге, и где-то через пятьдесят футов исчезал в сумраке меж дряхлых бурых стволов.

Под колесами затрещали доски – автобус въехал на маленький, обветшавший от непогоды мост. Под ним змеилось пересохшее русло.

– Это и есть ручей, – сообщил Уэйнрайт. – Давайте попробуем еще раз: кто-нибудь знает, почему его назвали Кровавым?

Мор досадливо вздохнула и еле слышно шепнула Сэму:

– Только молчите.

– В книге, – сказал Дэниел, – Адьудел предполагает, что на этом месте случилось побоище, возможно, во время Гражданской войны, приграничная стычка Канзаса и Миссури.

– Я сильно сомневаюсь, что ручей так назвали из-за побоища, – возразил Себастьян. – «Кроп» по-голландски «мука́». Возможно, когда-то этот ручеек не был таким маленьким и жалким, на нем стояла мельница, и первые поселенцы называли его Мучным. Потом здесь стало селиться все больше людей, они не знали голландского и стали звать ручей Кропавым, а потом «Кропавый» постепенно превратилось в «Кровавый». Это название – бессмысленное сочетание слов вроде «крибле-крабле-бумс».

– Или «христианского милосердия», – вставила Мор.

Сэм покосился на Манниака, ожидая эскалации конфликта, однако Манниак предпочел не заметить этого выпада.

Автобус пробирался по длинной подъездной дорожке, усыпанной серым гравием. Сэм устроился так, чтобы лучше видеть через переднее стекло. Слева и справа колыхалась на ветру высокая трава. Похоже, ее не косили годами. Сквозь просвет в деревьях он различил обшарпанные белые стены. Осыпающаяся кирпичная труба торчала над верхушкой самого высокого дуба, точно рог. Кроме вконец запущенной дороги, ничто не связывало дом на Кровавом ручье с остальным миром.

Этого-то Уэйнрайт и добивается. Хочет получить нас целиком и полностью в свое распоряжение.

Сэм потряс головой.

Прекрати. Ты из умеренно неприятной ситуации делаешь черт знает что. Но это ведь твой фирменный стиль, верно, малыши Сэмми?

Он закрыл глаза и попытался прогнать все мысли из головы.

Две минуты спустя Уэйнрайт остановил автобус.

– Приехали, – объявил он.

Сэм вышел последним. Закрыл за собой дверь и хотел уже догонять остальных. Но остальные не двинулись с места. В полном молчании все стояли, уставившись на старый дом, словно ожидали, что тот подпрыгнет и пустится в пляс. Плясок не последовало. Дом, как и полагается дому, тихо и неподвижно покоился на прочном фундаменте своих давних тайн.

Если бы не размеры здания, Сэм не нашел бы в нем ничего особо примечательного: сельский дом в народном викторианском стиле, скорее квадратный, с крытой верандой от парадной двери до середины южной стены. По бокам от узких окон фасада стена была повреждена – Сэм догадался, что рабочие отодрали доски, которыми окна были заколочены, чтобы придать зданию более гостеприимный вид. Дом не был уродлив – наоборот. Простая архитектура, сельское окружение – то что надо для милого маленького коттеджа. Вот только он не был маленьким. Он был огромным, настолько громадным, что на ум невольно приходило слово «чудовище». При всего трех этажах площадь дома составляла не меньше шести тысяч квадратных футов, а то и больше. Под фундамент и двор вырубил добрую четверть акра. Одно дерево осталось, оно стояло у самого крыльца, справа, – кривой сорокафутовый бук. Перекрученный ствол напоминал человеческую руку, с которой кто-то содрал кожу, обнажив мышцы; давно высохшие ветки тянулись вверх, точно пораженные артритом пальцы.

– Господи, кто построил... *это?* – нарушил тишину Себастьян.

Уэйнрайт сжал свою потрепанную книгу Адьудела, точно Библию:

– Это построил в тысяча восемьсот пятидесятых поселенец по имени Джошуа Гудман. Своими руками. Он лично вбил каждый гвоздь, лично поднял каждую стену.

– Как такое возможно? – спросил Сэм.

Казалось немыслимым, чтобы один человек, как бы целеустремлен он ни был, сумел воздвигнуть такое сооружение. Именно *сооружение*, а не дом. Казалось, само его существование было невозможно без вмешательства сверхъестественных сил.

– Вряд ли кто-то успел у него это выпросить. Гудмана убили в тысяча восемьсот шестьдесят третьем, в ту самую ночь, когда Квантрилл и его люди подожгли Лоуренс.

Дэниел сделал несколько неуклюжих шагов к дому, не сводя с него глаз.

– Погиб не только Гудман, – пояснил он. Отнюдь не робко – твердым, уверенным голосом, похожим тоном Сэм говорил на своих лекциях. – Той же ночью убили освобожденную рабыню Альму Рид. – Дэниел показал на зловещее дерево во дворе. – Ее тело повесили на одной из этих ветвей.

Себастьян и Мор стояли рядом, глядя на кривой бук. Эти двое являли собой воплощенный контраст: просторное шерстяное пальто свободно висело на высокой худой фигуре Себастьяна, а тело Мор плотно облегал черные джинсы и лонгслив со шнуровкой, еле скрывающей грудь. Вместе они походили на аллегория нежеланного союза Элегантности и Бунта.

Неподалеку, у самой травы, Кейт запечатлевала важный момент, крепко держа камеру и следя за изображением на откидном ЖК-экране.

Сэм глянул прямо в объектив – сам не зная зачем, просто так. Он не пытался придать лицу какое-то особенное выражение, но Кейт опустила камеру и странно, неожиданно строго на него посмотрела. Потом наклонилась к Уэйнрайту и что-то ему шепнула. Уэйнрайт что-то тихо ответил ей, приобняв за талию. Что бы это ни было, ему удалось достичь цели. Лицо Кейт смягчилось, она послушно кивнула, соглашаясь на некий уговор.

«Они что-то замышляют, – подумал Сэм. – Сообща».

Из правого кармана Уэйнрайт достал ключ на металлическом кольце. Покрутив его между пальцами, он обратился к писателям:

– Ну что... пошли?

Все двинулись за Уэйнрайтом к крыльцу. Все, кроме Сэма.

– После вас, – сказала Кейт, сделав рукой пригласительный жест.

Сэм взгляделся в ее лицо, но не увидел ничего, кроме приветливой улыбки.

– Пожалуйста, – добавила Кейт.

Сэм последовал за остальными. Он заметил, что Уэйнрайт засунул роман Адьюдела в задний карман и то и дело касался книги, проверяя, на месте ли она.

Они поднялись на крыльцо. Толстые мохнатые стебли оплели края ступенек, обвилились вокруг ветхих столбиков балюстрады.

Уэйнрайт подошел к двери, оборвал похожий на щупальце вьюнок, что вскарабкался по раме и закрутился вокруг потускневшей ручки. Сунул ключ в замочную скважину, выдержал эффектную паузу, а потом с силой провернул ключ.

Глухо лязгнула задвижка.

Никто даже не успел удивиться тому, что произошло вслед за этим, – так быстро все случилось.

Дом словно содрогнулся – от фундамента до крыши!

Высокие травы вокруг на долю секунды склонились и вновь распрямились, вытянулись, будто сотни тысяч послушных солдат.

Дрожь пробежала по спине Сэма, по спине Себастьяна, по спине каждого.

Уэйнрайт взялся за дверную ручку. Снова выдержал паузу, повернулся к остальным, заглянул в глаза всем по очереди. Свет мерцал в лиловых крупинках в его радужках.

– Итак! Переступаем порог, – объявил Уэйнрайт.

Он повернул ручку.

Дверь медленно распахнулась, и Уэйнрайт спиной вперед шагнул в дом; тени обступили его, лицо-маска растянулось в хитрой улыбке.

Он хотел, чтобы остальные последовали за ним.

Часть 2

Шепот за стеной

31 октября – 1 ноября

Впервые войдя в дом, я обнаружил там нечто, к чему был совершенно не готов, – абсолютную тишину. Ни единого звука не достигало моих ушей. Ни тиканья часов. Ни скрипа половиц. Лишь тихое постукивание моего сердца и сердца стоящей рядом Рейчел.

– Здесь всегда так тихо? – спросил я ее.

Рейчел усмехнулась.

– Нет, – только и сказала она.

Так началась моя экскурсия по дому на Кровавом ручье.

Д-р Малкольм Адьюдел, «Фантомы прерии»

Глава 10

12:54

Четверо писателей, Уэйнрайт и Кейт вошли в переднюю и стояли, прислушиваясь к дому, к невидимым колебаниям воздуха внутри.

Они не испытали ничего необычного, перешагивая порог: ни внезапного озноба, ни ощущения постороннего взгляда, ни приступа ужаса. Лишь заложило уши, как будто поменялось атмосферное давление. Совсем чуть-чуть, никто даже не упомянул об этом вслух. Меньше чем за минуту все прошло.

Дэниела Манниака больше всего удивило тепло, испускаемое домом на Кровавом ручье. Пол, вручную оструганный и покрытый лаком столетие назад, являл собой беспорядочный узор из кленовых и ореховых досок разной длины и ширины, темных и светлых, покрытых годичными кольцами и следами сучков. Однако несовершенство лишь добавляло уютного очарования. А у самых стен, где пол встречался с изящно вырезанным плинтусом, доски были ровные, аккуратные.

У западной стены на второй этаж вела широкая лестница в федеральном стиле. Квадратные стойки перил и округлые балясины создавали обманчивое впечатление простоты. Стоило присмотреться внимательнее, и становилось видно, что каждая стойка покрыта тщательно вырезанными узорами, каждую балясину украшает спиральная резьба.

Кое-где доски потрескались, кое-где облупилась краска, и повсюду толстым слоем лежала пыль. Однако заметное глазу мастерство строителя искупало все недостатки. Джошуа Гудман вложил свою любовь в каждый дюйм этого дома.

Дерево не отражало солнечные лучи, проникающие в переднюю сквозь арочные проходы слева и справа, оно поглощало их и заново излучало в виде мягкого золотистого блеска. Дэниел проследовал за солнцем к дальней стене, на которой висело покосившееся распятие. Простое, из того же дерева, что и доски пола, без сомнения вырезанное Гудманом.

Он повернул распятие примерно на двадцать градусов по часовой стрелке.

Вот так.

Услышал, как фыркнула Мор, и закрыл глаза.

– С холма раздался громкий грохот. Они обернулись и увидели над собой дьявола. Древний, он вперил свой взгляд в их души и выведаль их тайны. Он пришел за ними. Их похоти суждено было стать их приговором.

– Дайте-ка угадаю. «Евангелие от Павла»? – спросила она.

– Вообще-то это из «Книги Даниила», – поправил Дэниел и подмигнул Мор, проходя мимо. Он заметил, что Сэм и тщедушный Себастьян улыгнулись. И сам улыгнулся. – Ничего страшного, Мор. Во мне веры на нас двоих хватит.

Дэниел бросил взгляд на Кейт – та направила на него камеру. Она сняла их с Мор разговор.

«Чудесно, как раз такое им и требуется для их грандиозного шоу», – подумал толстяк.

Уэйнрайт развернулся к писателям на каблуках своих поношенных черных рабочих ботинок.

– Добро пожаловать в дом на Кровавом ручье. Давайте я вам все здесь покажу.

Дэниел Манниак снова прислушался к дому. Здание не казалось ему дурным. По правде говоря, в тот момент он не сомневался, что оно ему даже радо.

Они вышли из передней через левый арочный проход.

«Ох, – подумал Себастьян. – Вот она какая, комната моей мечты».

Они оказались в кабинете. Выходящие на запад большие окна были грязны. Впрочем, света, пробивающегося сквозь замызганные стекла, хватало, чтобы даже в сумрачный непогожий день придать помещению жизнерадостный, гостеприимный вид. Между двумя стульями из красного дерева расположился украшенный резьбой столик. Вдоль стены прямо перед писателями тянулись уставленные книгами полки.

– Вся мебель осталась от сестер Финч, – пояснил Уэйнрайт. Свои потрепанные «Фантомы прерии» он теперь держал в правой руке. – В завещании они указали, что, даже находясь в собственности округа, дом должен оставаться в таком же виде, как при их жизни. Нетронутым.

Себастьян провел пальцем по корешкам книг на полке. Заголовки для него значения не имели. Перед ним стояли книги. Наполненные мыслями. Ценность этой библиотеки была сомнительна: наверняка здесь встречались выдающиеся произведения, но большинство, скорее всего, обладали невеликими достоинствами. Себастьян был не из тех, кто считает, что всякая книга заслуживает прочтения. Но сейчас литературный уровень роли не играл. В книгах были слова, соединенные так, чтобы запечатлеть возбуждение нейронов, передающих информацию через синапсы. Это были человеческие души, заключенные в бумаге, и Себастьян любил их все, даже те, что годились лишь на одну ночь.

«Как эта чертова книга Адьюдела», – подумал он.

Да, даже книга Адьюдела заслуживала право на существование, потому что ради нее человек сел за стол и колотил по клавишам до тех пор, пока царивший в его голове сумбур не обрел четкую форму и не был явлен взорам других людей.

«Вот поэтому мы и пишем», – мелькнуло в голове у Себастьяна, когда его взгляд упал на ряды переплетенных в кожу томов.

Чтобы жить дальше. Чтобы продолжить существовать, когда наше существование прекратится.

Чтобы нас помнили.

– Красивая комната.

Себастьян обернулся.

Дэниел Манниак, засунув руки в карманы, стоял возле одного из стульев. Он рассматривал кабинет, словно турист, забежавший на десять минут в собор Парижской Богоматери.

– Сестры Финч любили этот дом, – сказал Уэйнрайт.

Что за голос. Привыкнуть невозможно. Как же он грохочет. Словно из репродуктора над самым моим ухом.

Остальные разговаривали. Обсуждали то время, когда Ребекка и Рейчел Финч были живы, когда обе сестры навещали эти комнаты. Но Себастьян не слушал. Разговор был для него не более чем шумом. Он думал о миллионах слов, которые предал бумаге. Он думал о бесчисленном множестве мыслей, что мелькали в его голове, точно колибри, перепархивающие от одного только что распустившегося цветка к другому. Наконец Себастьян моргнул, прогоняя наваждение.

Сэм прошел в двухстворчатую дверь и оказался на кухне.

«Да здесь, черт подери, лучше, чем у меня дома», – подумал он.

Кухня была просторная, классической L-образной формы, две стены занимали шкафчики из темного ореха. Сквозь застекленные двери слева была видна крытая терраса – плетеный диван, два стула и множество сморщенных бурых останков давно засохших растений. В центре помещения, прямо перед глубокой, деревенского стиля раковиной, располагался кухонный островок – дань современности. Раствор между щербатыми квадратами белой плитки переживал не лучшие времена, но в остальном кухня была в хорошем состоянии. Техника была древняя: четырехконфорочная газовая плита в корпусе из нержавеющей стали и совершенно не сочетающийся с ней белый холодильник в духе пятидесятых, с массивной металлической ручкой.

Так же, как передняя и кабинет, кухня купалась в теплом послеполуденном свете. Мор встала рядом с Сэмом. Она так и не сняла темных очков.

– Немного странно, верно? – спросила она.

Сэм в растерянности тряхнул головой:

– Что?

– То, как славно выглядит дом. Ему же ведь сто пятьдесят лет?

Она была права. Если не считать пыли, щербин на плитке и легкой ноты плесени, ощущаемой в застоявшемся воздухе, придаться было не к чему.

На барабанные перепонки Сэма снова что-то надавило, как в первую минуту пребывания в доме. Он представил, как погружается все глубже и глубже в океанскую пучину и вода становится все темнее. Наверху был свет. Внизу была черная бездна.

Он огляделся вокруг.

И услышал, как кричит брат. Услышал, как вопит мать.

«Кухня – это сердце дома, – подумал Сэм. – Здесь члены семьи собираются вместе для душевной беседы».

«Должны собираться», – поправил он себя.

Но в этом доме не было места душевным беседам. Он был обиталищем смерти. Надежды Гудмана, его мечты, его *любовь* – все это жестоко отняли у него.

Уэйнрайт открыл дверь холодильника, и наружу вырвался морозный воздух.

– Хоть мы здесь всего на одну ночь, холодильник полон, – сообщил он писателям. – Вода, газировка, вино, пиво. Мясная нарезка. Овощи. Фрукты.

Визг проржавевших дверных петель заставил Мор вздрогнуть. Дэниел открыл заднюю дверь и смотрел на пересекающую двор линию из каменных плиток.

– Какого черта, Манниак? – рявкнула Мор.

Толстяк показал на дорожку, ведущую от места, где он стоял, к просвету между деревьями.

– Это куда ведет?

– К колодезю, – ответил Уэйнрайт таким тоном, словно больше никуда дорожка вести и не могла. – Там все сильно заросло, так что смотрите под ноги, если туда пойдете. Мне сказали, что колодец закрыли много лет назад, но, пожалуйста, постарайтесь, чтобы ваша прогулка не закончилась на дне.

Сэм заметил, как на лице Уэйнрайта мелькнула ухмылка, словно мысль о том, что кто-то из них может упасть в колодец, его позабавила.

– А что здесь? – Обернувшись, все увидели, что Себастьян положил руку на ручку двери в нескольких шагах от плиты. – Кладовка, полагаю?

Уэйнрайт покачал головой:

– Подвал. Туда спускаться никакого смысла нет. Там только крысы и наш верный генератор. К тому же подвал как таковой занимает лишь треть площади фундамента. Остальное – технический подпол.

– Странно, – заметил Дэниел. – Почему не сделали большой подвал?

– Возможно, мистер Гудман начал его копать, но на что-то наткнулся. – В глазах Уэйнрайта блеснул огонек. – Возможно, поняв, что он открыл проход в некое темное и пустое место, он запечатал его. Как можно скорее. Пока тьма не выбралась наружу.

Дэниел охотно закивал, включаясь в игру:

– Ну да. Ну да, он докопался до преисподней, и грехи, которые он совершил в прошлом, потянули его вниз.

– Конечно, если воспринимать все вопиюще буквально, – сухо сказал Себастьян.

Мор усмехнулась:

– А может быть – предположим смеха ради, – его просто задолбало копать гребаную яму.

Себастьян улыбнулся:

– Маловероятная гипотеза, но я не исключаю, что все так и было.

– Возможно, дело в фундаменте, – вступил Сэм. – Оттого что дом совсем рядом с ручьем, в подвал могла проникнуть вода. Дренажных насосов в те времена еще не было, и, чтобы не получить бассейн под домом, Гудману пришлось ограничить подвал в размерах. Готов поспорить, вода до сих пор сюда просачивается во время сильных ливней.

– Вы это прочли у Адьюдела? – спросил Дэниел. – Вы же вроде сказали, что не...

Сэм покачал головой:

– Я вырос недалеко отсюда, в двух часах езды на юг. В Канзасе часто случаются бури. И у многих дома с подвалами. И полно паршивых подрядчиков, которые плохо делают эти подвалы.

Ярко сверкнул отраженный стеклом свет. Сэм повернулся и увидел, что Кейт направила на него объектив.

Внезапно его захлестнула волна тошноты, и он закрыл глаза.

Я не хочу здесь находиться. Не хочу стоять на этой кухне.

Казалось, он вот-вот потеряет равновесие. Вот-вот упадет. Сэм торопливо схватился за край кухонной стойки. Край был округлым и странно холодным. Металлическим.

Он открыл глаза. Под рукой была стальная плита. Выглядела она в точности как на кухне матери.

А на задней левой конфорке стояла глубокая чугунная сковорода.

Сэм дернулся, словно от ожога.

– Сэм, с вами все хорошо?

Это был Себастьян. Он говорил шепотом, чтобы не привлекать внимания остальных.

Несколько секунд Сэм не знал, что ответить на простой вопрос старика. Потом кивнул и тихо сказал:

– Да, я в норме.

– Что случилось, Мак-Гарвер? Дом на вас действует? – с ухмылкой поинтересовался Уэйнрайт.

Сэм сжал зубы.

– Просто хочу уже пойти дальше.

Уэйнрайт жестом пригласил его к следующей двери:

– Ну так пойдёмте. Нам еще многое предстоит осмотреть.

Писатели потянулись из кухни.

Сэм вышел первым.

Вдоль южной стены шел узкий коридор. Мор шла в хвосте цепочки мимо длинного ряда окон слева. Двери комнат в коридор не выходили, был лишь арочный проход из передней, через который они сюда попали, и дверь в дальнем конце.

– Нам туда, – сообщил Уэйнрайт.

Мор подумала: «Ну и голос. Все, что он говорит, звучит приказом. Не люблю я такого».

Выйдя из коридора, они быстро миновали череду смежных комнат – уборную, комнату для шитья, маленький кабинет – и оказались в неожиданно просторном помещении в западной оконечности дома. Элегантный диван, отделанный пестрой тканью с павлинами, и два стула, обитые по контрасту простой тканью в клетку, расположились у растрескавшегося, но красивого кирпичного камина. Крепкий дубовый стол стоял под окнами, выходящими на крыльцо. Из них был ясно виден чудовищный, уродливый бук.

Здесь эти ублюдки повесили Альму Рид. Мор показалось, что она слышит, как скрипит веревка и хлопает на ветру платье Альмы. Она почти что видела смутный силуэт ее безжизненного тела, тихо покачивающийся за окном.

– Ну, вот мы и пришли, – объявил Уэйнрайт, звучно хлопнув в ладоши. – Это главная гостиная и, если хотите, наш штаб, место, где мы будем проводить большую часть своего времени. От предыдущих постояльцев, спасибо им большое, остался хороший запас дров, так что вечером у нас будет огонь. В доме, понимаете ли, довольно холодно.

– Еще бы, – сказала Мор. – В классическом доме с привидениями без такой фигни никак не обойтись, Уэйнрайт.

– Да, могли бы придумать что-то поинтереснее мистического холода, – вставил Себастьян голосом колючим, как осенний воздух.

– Я просто констатирую факт, – ровным, невозмутимым тоном ответил Уэйнрайт.

Мор коснулась рукой спинки стула.

Гостиная.

По сумрачным просторам сознания Мор пронеслась мысль, и Мор ее поймала.

Гость – *иная*.

Незачем в эту комнату заходить гостям.

Мор всегда ненавидела гостиные. От этого слова в мозгу возникал образ домочадцев, собравшихся, чтобы славно скоротать время вместе, – жалкая идиллия Нормана Роквелла. Мор знала, что многие люди и вправду считают, будто живут так, но она этим людям не верила. В семье всегда есть тайны. Папочка ходит налево. Мамочка сидит на таблетках. Сыночек как-то слишком увлеченно мучает во дворе насекомых. А дочка...

Ну что же, дочка напортачила, верно? Дочка сбежала – решила, что влюбилась.

– Жалко, что Гудман так недолго радовался этому дому, – сказал Дэниел.

Мор стиснула спинку стула, вонзила серебристые ногти в ткань обивки.

– Да бросьте. А чего он ждал?

Все повернулись к ней.

– Вы о чем? – спросил Уэйнрайт.

– О том, что белый мужик замутил с черной девчонкой накануне Гражданской войны. О чем он думал? Он полагал, что поганые душегубы из рабовладельческого штата в двух шагах от него спустят ему это с рук?

– Он любил ее. – Это произнесла Кейт, глядя на Мор поверх объектива. Камера шелкнула – Кейт перевела ее в режим фотографии.

– И погубил ее и себя. Что в этом хорошего? – спросила Мор.

– Они были не властны над своими чувствами. – Кейт нажала на кнопку и сделала серию снимков смотрящей на нее Мор. – Возможно, они понимали, что им грозит смерть. Возможно, от этого их любовь становилась... сильнее.

Кейт чуть повернула голову, чтобы поймать взгляд Уэйнрайта. На его лице застыло странное удивленное выражение.

«Дочка думает, что влюбилась», – снова подумала Мор. Она сжала кулаки:

– Чушь. Смерть не делает любовь сильнее. Смерть лишь убивает.

Щелк-щелк-щелк – Кейт сделала еще серию снимков.

– Мне кажется, вы достаточно меня пофотографировали, – холодно сказала Мор.

Кейт опустила камеру:

– Вы правы. Все, что нужно, я уже сняла. – Она снова переключила настройки. Камера тихо пискнула, возвращаясь в видеорежим.

– Что дальше? – спросил Дэниел.

Уэйнрайт махнул рукой в направлении передней:

– Ну, сейчас самое время принести из машины ваши вещи. А потом я покажу вам комнаты.

Глава 11

13:28

Сэм чувствовал, что за каждым его движением наблюдают.

Это Кейт.

Она стояла в нескольких ярдах, по пояс в траве. Прижимала камеру к груди, точно мать – младенца, и неотрывно глядела на ЖК-экран, записывая все происходящее в высоком разрешении.

– Они трахаются, – услышал Сэм голос Мор. Она вытаскивала свою сумку из микроавтобуса.

– Кто? – спросил Дэниел, побледнев от такой грубости.

– Уэйнрайт и операторша, – пояснила Мор. – Она любовница этого богатого козла. Так что завязывайте пялиться на ее сиськи.

– Я женат, – сказал Дэниел.

– Да, это останавливает целый ноль процентов мужчин, – ответила Мор, закидывая сумку за плечо.

На крыльце, спрятавшись в тени крыши, Уэйнрайт ждал, когда писатели достанут свой багаж. В руках он по своему обыкновению держал книгу Адьюдела.

– Как думаете, что он затеял? – тихо спросил Сэм остальных.

Себастьян проследил за его взглядом:

– Кто? Мистер Уэйнрайт? Он безобиден. Или настолько безобиден, насколько может быть безобидным нахальный сынок миллиардера.

– Они оба странные утырки, – сказала Мор.

«Потому что они что-то скрывают, – подумал Сэм. И тут же одернул себя: – Ты не знаешь наверняка. Прекрати выискивать проблемы там, где их нет. А то сам себя доведешь до психушки».

Вслух Сэм сказал:

– Вы все помните, как он повел себя в автобусе, когда понял, что я не прочел книгу.

– Может, он просто хочет, чтобы мы прониклись историей этого дома так же, как он? – предположил Дэниел.

– А может, он тайно привез нас всех сюда, чтобы убить, – сказала Мор. – Он вместе со своей девочкой Мэнсона будет нас пытаться, потом прикончит, а потом выложит всю эту жуть в Интернет. И к завтрашнему полудню станет самой известной персоной в жанре хоррора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.